

ШПИОН МАНИЯ

Сергей
Зверев

агент без
прикрытия

Засекреченный

Сергей Зверев

Агент без прикрытия

«ЭКСМО»

2008

Зверев С. И.

Агент без прикрытия / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2008 — (Засекреченный)

Бывший суперзасекреченный агент ФСБ Клим Бондарев пошел в инструкторы – обучать молодых спецов премудростям своей работы. Но, похоже, ему рано сдавать табельный пистолет на хранение. На его глазах убили бывшего коллегу, а самого Клина захватил в плен некий торговец секретным оружием Брук. Арсенал у «торговца смертью» страшный – химическое отравляющее вещество нового поколения, которое он хочет загнать американцам, воюющим в Ираке. Узнав об этом, Бондарев решил показать Бруку, на что способен профессионал высочайшего класса. Ранее роман выходил под названием «Агент особого назначения».

© Зверев С. И., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Зверев

Агент без прикрытия

Глава 1

Президент России опустил взгляд на лежавшую перед ним блестящую металлическую авторучку и на несколько секунд замолчал. Авторучка словно перечеркивала подготовленные помощниками тезисы. Силовики и руководители спецслужб, собравшиеся в кабинете, сосредоточенно ждали продолжения.

«Ручка похожа на автоматный патрон», – внезапно подумалось главе государства, и он сдвинул ее в сторону.

– Теперь что касается Ирака. – Негромкий голос хозяина кабинета зазвучал вновь. – Сложная ситуация, сложившаяся в этой стране, устраивает в мире многих, в том числе кое-кого и у нас...

«Вот же умеет, – пронеслось в голове у двухзвездочного генерала, единственного из заместителей руководителей ведомств, присутствовавших на закрытом совещании, – говорит простые, само собой разумеющиеся вещи, тихо говорит, а от слов мороз по коже. Интересно, окажись я в его кресле, слушали бы меня так же внимательно?»

На мгновение он встретился взглядом с Президентом, и его крамольная мысль о возможном возвышении на недосягаемую высоту тут же оборвалась.

– ...Время показало, что мы приняли правильное решение, внешне оставшись как бы в стороне от конфликта. Однако это не значит, что наших интересов в этом регионе больше не существует. Нестабильность в шиитских районах Ирака напрямую воздействует на рост цен на нефть, но было бы ошибкой считать, что это выгодно нам и в долгосрочной перспективе...

Солнце, проникавшее в кабинет сквозь занавешенные окна, сияло на позолоте. Двухзвездочный генерал впервые находился здесь. Раньше ему доводилось видеть кабинет главы государства только по телевидению. Вроде бы все было знакомым, привычным: и золоченые часы на президентском столе, и темные дубовые панели, и строгие кресла для посетителей, и сам хозяин кабинета. Но до сегодняшнего дня он никогда не замечал дубовой рамки с фотографией, стоявшей на письменном столе. Со своего места сейчас он видел ее тыльную сторону.

«И что же за фотография в ней? Наверное, жена».

У самого генерала на сейфе стояла похожая рамка, но развернута она была так, чтобы каждый входивший в кабинет сразу же видел портрет Президента, вставленный под стекло.

– ...У многих из наших политиков, бизнесменов за прошлые годы наработаны связи в Ираке. Не всегда сделки были безупречно чистыми в свете международных договоренностей. И вам это известно лучше других. Высокие цены на нефть выгодны не только России, но и другим нефтедобывающим странам, выгодны в экономическом смысле, но не в политическом. Избиратели в США никогда не проголосуют за высокие цены на бензин. Поэтому, – Президент сделал паузу и обвел собравшихся внимательным взглядом, – я требую сделать все возможное, чтобы не допустить провокаций по отношению к России в этом регионе. Западу выгодно будет возложить на нас ответственность за нестабильность и высокие цены на нефть. Мол, Россия вооружает партизан и повстанцев, чтобы помешать установлению мира. Тщательно отслеживать все контакты с иракцами, сиюминутная экономическая выгода может обернуться катастрофой во внешней политике.

Генерал занес было ручку над блокнотом, чтобы сделать пометку, но сам себя одернул, вспомнив, что точно так поступал в школе, пытаясь задобрить учителя. И тут перед ним на стол села самая заурядная муха. Это было так невероятно, что ему даже захотелось протереть

глаза. Здесь, в святая святых Российского государства, мухи просто не должно было быть. Она никак не вязалась со строгим интерьером, со стерильной чистотой кабинета. Любому входившему сюда делалось страшно, что даже волос упадет с его головы на вычищенный до последней пылинки ковер. Муха нахально скребла передними лапами несоразмерно большую голову, а затем приподняла задние лапы и потеряла ими одна об одну, как делает это человек, если ему что-то удалось.

«Прибить бы сволочь!» Ладонь генерала дрогнула, но хлопнуть по столешнице в тишине, нарушаемой только голосом главы государства, он не решился.

Муха же словно чувствовала свою неуязвимость, она даже поленилась взлететь, а пешком направилась через весь стол к изящному букету в хрустальной вазе, взобралась по стенке и исчезла среди листьев и лепестков.

Президент захлопнул папку и тихо произнес:

– Все свободны. До свидания.

Генерал поднялся первым. Когда он уже вышел за дверь кабинета, то обернулся и вновь зацепился взглядом за рамку на столе. Как всегда бывает в подобных случаях, генерал уже не мог думать ни о чем другом, как только о том, кто же изображен на снимке.

Помощник главы государства немного виновато улыбнулся, закрывая дверь в кабинет. Президент перешел за письменный стол. Папку с тезисами отодвинул на край.

– Если бы так же легко, как бумаги, отодвигались и проблемы, – усмехнулся он.

Помощник кивнул:

– Если бы.

Он не спешил с докладом, ожидая, когда глава государства сам напомнит о делах. Папку с бумагами, требующими подписи, держал, плотно прижав к бедру.

– Положите, я посмотрю, – голос звучал устало.

Оставшись один, Президент немного подпернул рукава пиджака, положил локти на стол и подался к фотографической рамке. За стеклом была чуть пожелтевшая любительская черно-белая фотография. Набережная Невы, шпиль Петропавловского собора, парашет, а на нем двое мальчишек с удочками в руках, между ними трехлитровая банка с одиноко плавающей в ней рыбкой.

Один из мальчишек сидел обернувшись, и всякий, глянув на снимок, без труда узнал бы в нем теперешнего Президента. А вот другой мальчишка подставил объективу коротко стриженный затылок. Черно-белая фотография, но глава государства видел ее в цвете – город детства, а детские впечатления – самые запоминающиеся и самые яркие.

– Клим, – беззвучно обратился Президент к мальчишке на фотографии, – могли ли мы в те годы подумать, как сложится жизнь? Всей страны, твоя, моя? – И сам себе ответил: – Мы и не такое фантазировали. Собирались открывать новые земли, плавать по морям и океанам, летать на самолетах...

Иногда так хочется поговорить с другом детства, вроде бы и сделать это легко, снял трубку, набрал телефонный номер, но обычно намерение остается намерением. Трубка на президентском телефоне так и осталась не снятой.

* * *

Клим Бондарев с жадностью выпил стакан холодной минеральной воды и вернул бутылку на место в небольшой бар-холодильник, в компанию многочисленной посуды со спиртным. В гостиную его небольшого дома в Коломенском светило яркое солнце. В его свете играла всеми цветами радуги чешуя на чучелах рыб, укрепленных над камином, серебрились никелированные детали рыболовных снастей, а выбеленные временем акулы челюсти уже не казались гроз-

ными. Бондарев заметил, что прямой солнечный свет падает на старую фотографию в рамке, где двое мальчишек, разделенные трехлитровой банкой с рыбкой, сидят на набережной Невы.

– И так уже выцвела, – он перевернул ее изображением к стене.

Часы на каминной полке показывали три часа дня. Когда большая стрелка коснулась цифры «12», раздался мелодичный звон.

Клим распахнул высокий стенной шкаф с зеркальной дверцей. Обычно стенные шкафы наполнены всякой дрянью, в них складывают пришедшие в негодность старые вещи, место которым уже давно на свалке. Здесь же царил идеальный порядок, даже горела яркая лампочка под самым потолком. Выстроились, аккуратно вставленные в гнезда, удочки, спиннинги, сачки. Хищно загибался крюк короткого багра – без такого приспособления невозможно вытащить из воды сома, попавшего на крючок. Любой мало-мальски толковый рыбак мгновенно бы оценил богатство, собранное в стенном шкафу. Снастей тут собралось на несколько тысяч долларов – хорошие удочки, безынерционные катушки и графитовые спиннинги стоят немалых денег.

Клим Бондарев прошелся пальцами по удилищам. Остановил свой выбор на простеньких бамбуковых удилищах, до половины упрятанных в брезентовый чехол, подхватил складной полотняный стульчик. На таких любят сидеть уличные торговки семечками. Прямо на джинсы Клим Владимирович натянул камуфляжные штаны, надел куртку и нахлобучил шляпу военного образца. Высокие шнурованные ботинки доходили до середины голени. В такой экипировке он и вышел из дому.

Далеко не новый джип стоял тут же за калиткой. Длинные удочки не уместились в салоне, и тонкие бамбуковые верхушки торчали из приоткрытого окна. Сев за руль, Клим бросил короткий взгляд в зеркальце заднего вида.

«Странно, но, кажется, на улице никто мной специально не заинтересовался. Они или отлично маскируются, или никого здесь нет».

Машина медленно покатила по безлюдному переулку. Застройка из частных домов сменялась улицей с оживленным движением.

«Ну, конечно же, вот и они, – ухмыльнулся Бондарев, заметив, как на следующем перекрестке впереди замаячил черный „Гелендваген“ с двумя мужчинами в салоне, – настоящие профессионалы при слежке никогда не едут сзади, только впереди».

Но на всякий случай Клим Бондарев глянул и назад. Водитель пенсионного возраста на роль преследователя никак не тянул, да и мотор старых «Жигулей» работал с таким стуком, что он даже заглушал урчание двигателя джипа Бондарева.

Мужчины в «Гелендвагене» вели себя спокойно – тот, кто сидел за рулем, смотрел только перед собой, его сосед ни разу не обернулся, лишь косил в зеркальце заднего вида и чуть заметно шевелил губами, что-то сообщая напарнику. Клим знал по себе: если преследуемый нервничает, пытается сразу же оторваться от «хвоста», то внимание следящего постоянно будет напряжено, если же вести себя спокойно, то преследователи рано или поздно ослабят бдительность. Вот тогда и стоит попытаться уйти.

Впереди замаячил светофор, подававший зеленый сигнал. «Гелендваген» притормозил, его водитель не рисковал проскочить перекресток, оставив Бондарева в одиночестве.

– Потерять его даже на оживленной улице тяжело, – проговорил мужчина, сидевший рядом с водителем «Гелендвагена», – удочки, торчащие из окна, видны издалека.

– Вот это мне и не нравится, – проворчал водитель. – Он-то знает, что его ведут, а выставляет ориентир. Сколько у нас времени?

– Прошло пятнадцать минут, – даже не глядя на часы, проговорил его напарник, – значит, час сорок пять.

Бондарев включил «поворотник».

– Он собрался перестроиться в левый ряд, – тут же последовало предупреждение водителю.

- Собрался или уже перестраивается?
- Кто ж его поймет.

Клим тянул до последнего, ехал с включенным «поворотником». Свернул в последний момент под мигающий сигнал светофора. «Гелендваген» вынужден был повторить маневр, практически уже пересекши улицу, и потому неминуемо оказался сзади.

- Засветились, – процедил сквозь зубы водитель.
- Можно подумать, что он нас до этого не заметил.
- Все равно прокол. Один-ноль в его пользу. Надо было передать его другой машине.
- Сейчас сделаем, – рука напарника потянулась к кнопке рации.

Бондарев вел джип одной рукой, в другой сжал странного вида телефонный аппарат. Его корпус был выточен из цельной титановой заготовки, под толстым сапфировым стеклом с интервалом в несколько секунд пробежала извилистая светящаяся линия, как на экране осциллографа. Когда заработала радиостанция на «Гелендвагене», огненная линия замерла, дала всплеск – сканер надежно засек частоту, на которой она работала. И почти тут же в наушнике зазвучал голос «топтуна».

- Третий, я Второй, готовьтесь принять объект под свой контроль.

И только успел Третий ответить, как дешифратор, встроенный в трубку, уже превратил цифровой сигнал в звуковой, вдобавок выдав на дисплее точные координаты говорившего. Бондарев следил за трубкой, не сбавляя скорости машины.

«Теперь они должны вызвать главного».

Предположение тут же подтвердилось.

- Я готовлюсь передать объект, – донеслось из наушника.
- Вы продержались тридцать минут, – ответили Второму, – движемся за вами.

И хоть тот, кому докладывали, тут же прервал связь, Бондарев уже засек параметры выхода в эфир и координаты. Получалось, что машина находится метрах в пятистах от них.

«Отлично».

Он свернул во двор. Потянулись серые, однообразные ряды девятиэтажек. «Гелендваген» остался стоять на въезде, посылая в эфир:

- Вижу объект, движется к вам. Будьте готовы.

Проскочив квартал насквозь, Бондарев оказался на довольно широком проезде, с одной стороны которого тянулась безликая стена кооперативных гаражей, построенных лет тридцать тому назад из силикатного кирпича, с другой – что-то среднее между парком и лесополосой. Среди разросшихся кустов и березок белели газеты, пакеты, пластиковые бутылки. У самой дороги на травке расположилась компания бомжей.

Сканер телефонной трубки, лежавшей на сиденье рядом с Бондаревым, показывал, что машина, идущая впереди от него метрах в ста, – белый «Фольксваген» – и есть тот самый Третий. Дорога упиралась в заброшенную стройку. Клим остановил машину, загнав ее между возведенных на высоту человеческого роста стен, и заглушил двигатель. В наступившей тишине он слышал, как «Фольксваген», взвизгнув по крышкам по асфальту, дал задний ход.

В то время, когда белый бок машины преследователей поравнялся с джипом, Клим в салоне уже не оказалось, как, впрочем, и удочек. Водитель «Фольксвагена» напряженно всматривался в строительный пейзаж и про себя матерился.

«...Настоящий лабиринт. Тут можно его целый день искать...»

С другой стороны стройки замер «Гелендваген».

– Я его на время потерял, – донеслось из динамика рации, – но территорию стройки он не мог покинуть. Удочки он прихватил с собой.

Водитель «Гелендвагена» и его напарник переглянулись.

- Я сразу подумал, что с удочками готовится какой-то сюрприз. А ты?

– Нам еще около часа предстоит продержаться. Никуда он не денется. Периметр стройки полностью просматривается с трех сторон. Не станет же он сидеть здесь до темноты...

Тут водитель радостно воскликнул:

– Да вот же он! Передай, что мы его нашли.

– У меня такое чувство, что это он нас нашел.

Клим Владимирович, абсолютно не таясь, шел с зачехленными удочками на плече вдоль недостроенной стены. Бетонная плита, переброшенная через траншею, вела к тропинке. Именно туда и направился Бондарев. Мужчины из «Гелендвагена» даже не успели свериться с картой города. Оба направились вслед за Климом, боясь потерять его из вида. Тропинка слегка шла под уклон, и вскоре за деревьями показался пруд. Зрелище было не очень романтическое. Посредине пруда торчал остов грузовика, вокруг него плавали пластиковые бутылки. Но если закрыть глаза, то вполне можно было почувствовать себя не на окраине большого города, а на природе: шумели на ветру березы, пахло сыростью. У ближнего берега разрослись камыши, пронизанные тропинками. Бондарев поправил камуфляжную выцветшую шляпу и шагнул на тропинку. Камыши доходили ему до груди.

Преследователи остановились, оценивая обстановку. Вода за камышами просматривалась великолепно, самого Клима они видели.

– Останемся здесь, – сказал водитель «Гелендвагена», усаживаясь на бревно у черного пятна кострища.

Послышался свист разрезающей воздух лески и плеск ударившегося о воду грузила.

– Что здесь можно ловить? – Водитель мял в пальцах незажженную сигарету, соблазненный дымком, вившимся от сигареты в губах Бондарева.

– Карасей, – абсолютно серьезно ответил напарник, – они даже в лужах водятся. Заплывают на луг в разлив, а в засуху зарываются в ил и впадают в анабиоз. Могут целое лето так пролежать.

– Доложи начальству, что мы держим его в поле зрения.

Когда рация в машине «начальства» ответила, Бондарев сразу же засек ее местоположение. Автомобиль стоял на проезде почти напротив того места, где он находился, и если бы не деревья, он бы мог разглядеть лица сидевших в нем людей, но Клим и так догадывался, кто находится поблизости. Он бросил взгляд на часы: с того момента, как он покинул дом, прошло уже полтора часа. За это время он мало чем удивил следивших за ним и потому был уверен, что те расслабились. Бондарев разложил полотняный стульчик, присел возле него на корточки и неглубоко, но надежно воткнул удилище во влажную землю. Сложней всего было со шляпой, ради нее пришлось пожертвовать коленом от запасной удочки. Сперва шляпа повисла на конце колена, и только потом Бондарев осторожно ввинтил его в землю. Привязав конец лески к удочке, он, пригнувшись, побежал по тропинке.

Шофер «Гелендвагена» курил, поглядывая на камуфляжную шляпу, возвышавшуюся над камышом. Удочка то и дело приподнималась, уходила в сторону, как всегда происходит, когда рыбак возвращает на место поплавок, отнесенный ветром или течением.

– Ничего еще не словил и не словит, – с легким сожалением в голосе произнес он.

– На рыбалке всегда интереснее следить за чужим поплавком, чем за своим, – отозвался напарник.

Бондарев, притаившись на краю камышовых зарослей, выжидал момент, когда двое мужчин будут смотреть в одну сторону – не на него. Но, как назло, этого не происходило, сказывалась тренировка – постоянно держать под наблюдением максимальный сектор обзора. Клим несколько раз сильно дернул леску, удочка в камышах взметнулась.

– Кажется, словил, – ветер донес до его слуха слова водителя.

Напарник непроизвольно перевел взгляд.

– Нет, просто клюнуло, он подсечь хотел.

Этих коротких секунд хватило, чтобы пробежать с десятков метров открытого пространства между камышом и деревьями. Бондарев привалился плечом к березе, выглянул из-за нее. «Топтуны» не заметили подмены, мирно продолжая караулить шляпу и удочку, в то время как хозяин уже смотрел им в спины.

«Ну и влетит же вам от начальства». Клим выбрался к стройке.

У недостроенной стены горделиво застыл угловатый «Гелендваген». Титановая телефонная трубка приблизилась к дверце. Сканер буквально за десять секунд вскрыл код сигнализации, коротко пискнул датчик, и тут же щелкнул центральный замок машины, освобождая дверки. Бондарев, особо не спеша, забрался на водительское сиденье.

«И замок зажигания у них дистанционный. Электроника до добра не доводит».

После нажатия двух кнопок на корпусе мобильного двигателя завелся. Бондарев резко – даже гравий полетел из-под колес – тронул машину с места.

– Поехали, – ухмыльнулся он.

Водитель «Гелендвагена» мог бы распознать звук двигателя своей машины в хоре тысячи моторов, но даже он не сразу дернулся, заслышав, как тронулся автомобиль. Он схватился за карман, где лежал пульт, но не стал тратить время, чтобы его доставать. Водитель и его напарник были сильные, тренированные мужчины, умели бегать быстро. Они выскочили к стройке, когда «Гелендваген» еще не свернул на проезд. Водитель выхватил из кобуры пистолет и прицелился, затем, забористо выругавшись, опустил оружие.

– ... Нет... дырять колеса собственной машины рука не поднимается.

– Ты и не попал бы.

Тем временем Бондарев уже ехал по асфальту. У спуска с невысокой горочки стояла точно такая же машина, как и та, на которой он ехал. Разглядеть, кто сидит в салоне, из-за тонированных стекол было невозможно, да и не надо – Клим примерно представлял себе, кто ее пассажир. Главное – не фамилия, имя, отчество, а должность, занятие человека, его возможности и способности. Он остановился, чуть ли не ткнув бампер в бампер, и коротко посигналил, при этом его губы тронула улыбка. Бондарев представил себе удивленное лицо высокопоставленного пассажира, то, как брови недоуменно сходятся у переносицы, как лоб бороздят морщины, как он дает знак шоферу выйти посмотреть, что случилось.

«Сейчас выйдет шофер», – решил Клим и распахнул дверцу.

Они стояли, каждый у своей машины: водитель и Клим, смотрели друг на друга. Водитель с удивлением, будто увидел воскресшего покойника, а Бондарев – немного издевательски.

– Это он, – бросил водитель в открытую дверцу и слегка попятился.

– Раз уж он здесь, то пригласи его ко мне, – прозвучал из салона немного скрипучий, но вполне дружелюбный голос.

– Садитесь, – шофер сделал знак рукой.

– Я слышал, – Клим неторопливо занял предложенное ему место на заднем сиденье.

Высокий худощавый мужчина чуть моложе пятидесяти лет протянул ему руку:

– Мы знакомы заочно. Иван Антонович Борейша.

– Именно таким я и представлял себе заместителя руководителя охраны Президента.

– Это хорошо или плохо? – Чувствовалось, что мужчина не привык улыбаться, лишь краешек губ дернулся, и улыбка почти мгновенно погасла, а лицо вновь стало непроницаемым для чужих взглядов.

– Это – правильно, – улыбнулся в ответ Клим Владимирович.

К машине подбежали запыхавшиеся преследователи, ни один из них не рисковал подойти вплотную, топтались в стороне.

– Ваше мнение о них, – поинтересовался заместитель.

– Хороши. Им можно доверять охрану...

– Кого угодно, но только не Президента, – в голосе прозвучала злость. – К вашему сведению, я отвечаю и за подбор людей.

– Лучших вы не найдете, – спокойно заметил Бондарев.

– Меня не должно интересовать, худшие они в своей профессии или лучшие. Они должны справляться со службой в любой ситуации. Другого критерия не существует.

– Если так подходить к отбору, то в результате останется только один человек. Против любого таланта найдется гений. Но дело в том, что все мы в чем-то хуже, в чем-то лучше. Например, вашего шофера я бы никогда не победил в армрестлинге. Да и бег на длинные дистанции не мой конек.

– Вы умеете навязывать свою игру – ту, в которой вы сильнее других. Это дорогого стоит.

– Годы научили. – Клим вертел в пальцах незажженную сигарету.

– Не стесняйтесь, закуривайте. Я люблю ощущать табачный дым.

Бондарев затаился и аккуратно выпустил в окно пару колец дыма.

– Вы никогда не задумывались над тем, чтобы пойти на службу в нашу структуру? – Заместитель тут же вскинул руку, предупреждая возражения. – Естественно, не рядовым сотрудником. Для вас можно ввести специальную должность, что-то вроде консультанта, инструктора-теоретика. Назовите ее, как сами пожелаете. В вас чувствуются старая добрая школа, за вами стоит огромный опыт. Этих двоих ребят, охранников, Дмитрия Королева и Андрея Мальцева, вы бы могли многому научить.

– Задумывался. Не вы первый мне это предлагаете.

– Он сам предлагал? – Слова «он» и «сам» были произнесены Иваном Антоновичем так, что не оставалось сомнений – будь они написаны, то только с большой буквы, а то и одними заглавными.

– Да. И я отвечу то, что сказал моему другу: «Друзей не охраняют – если надо, их защищают».

– Достойный ответ, – вздохнул худощавый мужчина, – я не найдусь, что на него возразить. Тем более вам. Придется доложить об исходе спора Президенту.

– Не забывайте, вестникам, приносящим плохую новость, в древности отрубали головы.

– Теперь не древние времена. – Вновь на лице мужчины на мгновение появилась улыбка. – А новость для него хорошая, признаюсь, в споре глава государства поставил на ваш выигрыш.

– Приятно слышать, – Клим пожал руку собеседнику и выбрался из машины.

Бондареву пришлось удивиться – за это время бывшие преследователи успели принести его удочки, оставленные в камышах. Он и заметить не успел, когда именно.

– Ловко вы нас обошли, – потирая щеку, произнес водитель.

– Бывает, сегодня я в ударе. – Клим взял удочки, забросил их на плечо и зашагал к стройке.

У него не было в душе ни большого удовлетворения от одержанной над действующими профессионалами победы, ни сожаления о зря потерянном времени. Ведь можно было в самом деле выбраться за город на рыбалку, а не устраивать дурацкий маскарад. В последние недели так сложилось, что не подворачивалось решительно никаких дел, а сидеть сложа руки Бондарев не привык. Некоторые мужчины в такие дни запивают, бросаются в загул, чтобы только прорваться сквозь бесцельно текущее время. Клим тихо насвистывал, шагая по теплему асфальту. Похвала заместителя руководителя охраны Президента для него тоже мало что значила – и не такие люди по достоинству оценивали его выучку и сноровку.

«...И нет ничего нового под солнцем... и что было, то и будет...» – припомнились Бондареву слова из Священного Писания.

* * *

Виктор Валериевич Жигалко уже второй месяц не ходил на работу. Последним местом его службы был склад строительных материалов. Работа не пыльная, мешки с цементом таскать не приходилось. Он работал по ночам. Зарплата сторожа и военная пенсия вполне позволяли сводить концы с концами даже в столице. Но если бы он жил один! Некоторым женщинам никогда не бывает достаточно денег. Жена бросила Жигалко пять лет назад, и не потому, что он часто изменял ей или пил. Грехи за Виктором водились, но в меру. Деньги, проклятые деньги решили участь его семейной жизни.

Начиналась она как по маслу – хотела будущая супруга выйти замуж за военного. В платяном шкафу их спальни висел китель с погонами капитана. Шкаф переехал с ними и в Германию, когда Жигалко получил должность командира роты в Западной группе войск. Золотым временем для семьи стал конец перестройки, когда советским военным служащим в уже объединенной Германии платили западными марками. Вот эти, большие даже по московским меркам, деньги окончательно испортили бывшую супругу. Вернувшись в Россию, она терпела бедность недолго – разменяла квартиру и забрала себе подержанный «Мерседес», единственную стоящую вещь из совместно нажитого имущества.

Одинокому мужчине опуститься несложно. Однажды утром не побрился, назавтра вышел в мятых штанах и нестираной рубашке, потом утром надел несвежие носки. Так произошло и с бывшим советским капитаном. Он сидел на кухне малюсенькой однокомнатной квартиры, слушал, как разбиваются в раковине капли о груды грязной посуды, старался не смотреть на липкий от грязи пол и понимал, что сегодня он тоже не примется за уборку. А зачем? Если в гости к нему никто не приходит, а для себя и так сойдет.

В холодильнике еще оставалась полуторалитровая бутылка пива. Можно было прямо сейчас открыть дверцу, свернуть пробку и ощутить блаженство от первых глотков обжигающе холодного напитка, но Виктор не спешил так поступить. Сорок пять лет жизни приучили его к сдержанности.

«Выпьешь сейчас, а что вечером пить станешь? – резонно спрашивал он у самого себя, глотая остывший чай. – Удовольствия растягивать надо, хоть они и не резиновые».

В квартире, где живет только один человек, тишина особенно тягостно давит на мозги. Вот и работают у одиноких, ничем не занятых людей телевизоры, радиоприемники – от самого утра до позднего вечера. Виктор Жигалко не был исключением из этого правила. На кухне всегда бормотал небольшой приемник, примостившийся на редко протираемом столе у самого холодильника. Пыль и брызги жира давно покрыли его шкалу настройки и ручки матовым налетом, поблескивал только тумблер включения. К нему одному хозяин прикасался два раза в день: утром – включая, вечером – выключая. Бывший капитан уже почти не замечал радиобормотания, как привык он в последние годы семейной жизни не замечать и брюзжания жены.

Сегодняшний день не предвещал Виктору никаких существенных изменений в судьбе, а военная пенсия возникала на горизонте только через неделю. Пройтись по соседям – одолжиться – было почти нереально. На площадке жили такие же горемыки, как и сам Жигалко, а жильцов других этажей Виктор знал только в лицо.

«Дотяну до пенсии», – пообещал он себе и посмотрел в окно.

На карнизе соседнего дома сидел огромный полосатый кот и сосредоточенно следил за перемещением голубей у мусорного контейнера. Котьяра не собирался охотиться, не спрыгнешь же с третьего этажа!

«Вот и я сижу и смотрю на улицу, так же как он, – с тоской подумал Виктор. – Неужели все – лучшую часть жизни я уже прожил? Что в ней может измениться теперь или даже завтра?»

Приемник бубнил и бубнил, создавая иллюзию присутствия другого человека. Музыка совсем не проникала в сознание Виктора, а вот когда заговорил ведущий, он наконец-то вспомнил о приемнике, постоянно настроенном на «Эхо столицы». Эту станцию он предпочитал другим потому, что не только слышал голос, а тут же в голове у него складывалась и картинка. Постоянно вздохмаченного ведущего «Эха столицы» часто показывали по телевизору, и Виктор не только слушал передачу, но и смотрел воображаемый телевизор.

– Сегодня у нас в гостях по-своему знаменитый человек... – проговорил ведущий.

– Все мы чем-то знамениты, – ответил ему Виктор.

– Владимир Брук. – Фамилия была произнесена так зычно, словно речь шла о всемирно известном певце. – Немногие из наших слушателей даже заочно знакомы с ним. Он известен в определенных кругах и даже объявлен в международный розыск. Кстати, и здесь, в России.

– Вы мне льстите, – ответил гость студии, – но забыли добавить «говорят», что объявлен. Я ни от кого не скрываюсь, временами живу в Москве. Границу пересек абсолютно легально. Если моя скромная личность интересует правоохранительные органы, то адрес вашей студии они знают. Пусть приезжают.

– Напомню, что мы в прямом эфире, и Владимир Брук готов ответить каждому, кто позвонит на наш студийный телефон...

Виктор Жигалко наморщил лоб.

«Знал я одного Володьку Брука». Его рука потянулась к огрызку карандаша, но пока он занес его тупой грифель над газетой, ведущий уже успел назвать номер телефона и продолжил...

– Вас называют торговцем смертью.

Сидевший под огромным логотипом станции Владимир Брук коротко засмеялся:

– Называть можно по-разному. Да, я торгую оружием по всему миру. Но покажите мне закон, который запрещает делать это. Многие государства производят оружие на продажу, значит, кто-то должен им торговать. И не забывайте, что убивают не автоматы, а люди, берущие их в руки. Если один человек зарежет другого кухонным ножом, это еще не значит, что все столовые приборы нужно изъять из продажи. Я помогаю нашей стране зарабатывать деньги, создаю рабочие места.

– Но вы торгуете со странами, где тлеют и горят вооруженные конфликты, – не унимался ведущий.

– Естественно, в других местах оружие не требуется в тех количествах, которые я могу обеспечить.

– Но начинали вы не как торговец оружием.

– Почему? – искренне удивился мужчина со звучной фамилией Брук. – Во времена Советского Союза я только этим и занимался. Служил в армии – военным переводчиком. Наши пилоты в своем большинстве не знали английского языка, и я сопровождал рейсы, переводил команды иностранных диспетчеров, обеспечивал перевод во время встреч и переговоров с покупателями. А публика, признаюсь, попадалась самая разная.

– Представляю себе. В те времена СССР поставлял оружие многим режимам и партизанам.

– А потом, уйдя из армии, я в самом деле занялся мирным бизнесом. Арендовал свой первый самолет. Вozил на нем цветы, первых туристов из новых русских. Так и собрал первые двести тысяч долларов, за которые и приобрел в собственность «Ан-24». Потом старые знакомые сами вышли на меня, предложили перевозить оружие. И этот бизнес оказался значительно выгоднее. У меня имелись наработанные связи, хорошие друзья и надежные покупатели по всему миру. Вас же не удивляет, что бывший министерский служащий, в обязанность которого входили поставки нефти, бросив госслужбу, переходит в нефтяной бизнес. Так же случилось и со мной.

– Логично, – согласился ведущий. – Что-то не звучат звонки в нашей студии, – напомнил он слушателям о прямом эфире и вновь назвал телефонный номер.

– Теперь мой авиапарк насчитывает чуть больше двадцати самолетов. Я осуществляю перевозки почти на всех континентах. И если раньше в основном торговал оружием, доставшимся бывшим советским республикам от СССР, то теперь основа моего бизнеса – новинки.

– Я никогда не видел вашего выступления по телевизору. Хотя многие каналы с удовольствием пригласили бы вас участвовать в своих передачах.

– С моей профессией я предпочитаю выступать по радио. Не хочется, чтобы меня узнавали на улицах.

– А вот и первый звонок, – радостно объявил ведущий.

– Алло, алло... – разнесся по студии растерянный голос.

– Говорите, вы уже в прямом эфире, – напомнил ведущий.

– Володя, ты меня слышишь?

– Конечно слышу, – отозвался Брук.

– Я Виктор Жигалко, капитан, помнишь?

Улыбка тронула губы Владимира Брука:

– Конечно, помню. Германия. Западная группа войск.

– Не хочешь встретиться? Есть о чем поговорить, что вспомнить. Жалею, что не послушался твоего совета и не ушел вовремя из армии. Теперь ты большой человек, а я военный пенсионер. Или у тебя теперь нет времени?

– Времени у меня всегда мало, Виктор, но если ты сможешь прямо сейчас подъехать к студии, то мы поговорим с тобой, часик я тебе обещаю.

– Еду, жди...

– Вот так, – встрял ведущий, – старые знакомые помнят вас еще преуспевающим советским офицером. Будете говорить о старой дружбе или о сегодняшней торговле оружием?

– Я бы хотел о старой дружбе, иногда хочется все бросить к чертовой матери и пожить обыкновенной жизнью простого человека.

– Еще один звонок, – энергично продолжил ведущий, – как мне подсказывает редактор, из правоохранительных органов. Звонивший отказывается представиться. Возможно, он решится на это, когда выйдет в эфир. Говорите, мы вас внимательно слушаем.

– Я не стану называть себя по той простой причине, что опасаясь за свою жизнь и жизнь близких мне людей. В свое время мне удалось напасть на след партии оружия, ушедшей в Судан в 2001 году, и я имел неосторожность составить об этом официальный отчет. Вы помните об этой партии?

– У меня нет с собой записной книжки, – абсолютно серьезно ответил Брук, – а на память я не полагаюсь, хотя вполне могу допустить, что такая партия существовала.

– Не думаю, что в вашей записной книжке найдется много достоверной информации. С тех пор мне пришлось дважды сменить место службы. Трижды на меня совершались покушения...

– С моей стороны? – прозвучал недоуменный вопрос Брука. – Какой мне в этом смысл?

– Я вышел на продавца оружия, а вы его перевозили.

– Извините, – прервал говорившего Владимир Брук, – вы обвиняете меня в том, к чему я не имею ни малейшего отношения, это то же самое, что обвинять таксиста, подвезшего убийцу к дому жертвы. Такси, как и мои самолеты, доступны всем желающим, лишь бы люди при этом платили деньги и документы у них были в порядке.

– Вы страшный человек.

– Не страшнее многих других. Я такой же, как и все, только удачливее.

* * *

Виктор Жигалко прохаживался возле стеклянных дверей здания, в котором располагалась студия «Эха столицы». Охранник заверил его, что Владимир Брук еще не выходил. Бывший советский капитан даже не успел побриться, так спешил. Не слишком свежие джинсы были подпоясаны потертым ремнем. Латунная пряжка поблескивала в разрезе расстегнутого пиджака. В таком виде Жигалко нормально смотрелся бы в дачном поселке, но не в центре Москвы. Он нервно курил, дергался каждый раз, когда за тонированным стеклом двери происходило движение, и разочарованно вздыхал, увидев, что здание покидает совсем не тот, кого он ждал.

«Джип крутой на стоянке. С водителем. Наверное, Володькин, – рассуждал Виктор. – Он теперь большой человек. Я даже не ждал, что согласится на встречу. Деньги людей портят». – Жигалко покрутил короткий окуроч в пальцах.

В другое время он бы непременно бросил его на тротуар, но теперь аккуратно занес его в сверкающую никелированную урну у входа в студию. Дверь легко качнулась, и на крыльце возник сам Владимир Брук в сопровождении удивительно красивой молодой женщины, но сразу было видно, что это не любовница, а секретарь. Виктор вдохнул и не смог выдохнуть. Брук разительно изменился. Костюм сидел на нем безукоризненно, свеженачищенные туфли сверкали, прическа лежала волосок к волоску.

Владимир осмотрелся и чуть снисходительно усмехнулся, заметив Жигалко.

– Ружана, сегодня ты мне больше не понадобишься, – обратился он к молодой женщине. – А ты не изменился. Только волосы длиннее носить стал, – проговорил он, вяло пожимая руку Жигалко.

– Ты... Володька... – растерялся Виктор, все заранее приготовленные слова мгновенно вылетели из головы.

– Вижу, что ты не женат, – засмеялся Брук. – С такой щетиной тебя ни одна женщина к себе не подпустит.

И смех, и эта нехитрая шутка мгновенно растопили недоверие, поселившееся в голове Жигалко.

– А помнишь, как мы на Потсдамском полигоне напились после учений? – вырвалось у него.

– Такое не забывается. – Владимир Брук проницательно глянул на бывшего приятеля и тут же понял, что о встрече тот просил не для того, чтобы просто поболтать о былом.

Виктора выдавали глаза. Когда он говорил, то опасливо косил по сторонам.

«И что он решил мне предложить?» – недоумевал оптовый торговец оружием.

– Твоя машина? – кивнул на джип Виктор.

– Нравится?

– Нет. Бензин она, наверное, жрет, как армейский «Урал». По мне уж лучше «копейка». Машина должна ездить, а все остальное – неважно.

– Когда-то и я так думал, – усмехнулся Брук, – а потом начинаешь замечать, что с тобой перестают разговаривать те, кто ездит на более крутых тачках. Мой бизнес требует определенного поведения. В нем есть свои правила. Ты-то как?

– По-разному, – от Виктора не укрылось то, что Владимир посмотрел на циферблат часов. – Не бойся, я не денег пришел просить.

– Так уж хорошо идут дела?

– Сегодня не мой день, – засмеялся Виктор, – но бывают получше.

– Я собирался пообедать. Поехали в ресторан.

– В ресторанах я давно не сиживал. Давай лучше в простенькое кафе.

– А что? – воодушевился Брук. – Простенькое кафе для меня экзотика. Пошли. Только шофера предупрежу, – и Владимир вдавил клавишу мобильного.

Виктору было странно смотреть на то, как человек звонит – вместо того чтобы пройти двадцать метров до машины. Он с кривой улыбкой на губах смотрел на то, как водитель, глядя на своего хозяина, отвечает ему в телефонную трубку. Прислушавшись, можно было даже различить в городском шуме голос шофера.

Подходящее заведение долго искать не пришлось, не успели пройти и квартал, как над тротуаром нависла вывеска, извещавшая, что во дворе вход в пиццерию. Мужчины спустились в подвал, переоборудованный под кафе. Недостаток дневного света компенсировался фальшивыми окнами с неяркой подсветкой. Над барной стойкой мерцал плоский экран большого телевизора. Звук был негромким, таким, чтобы слова могла различать лишь девушка, скучавшая в окружении начатых и полных бутылок. Брук и Жигалко забрались в самый дальний конец пиццерии, уселись за угловым столиком. В этом ответвлении бывшего подвала они оказались совсем одни.

– Ты уверен, что о нас вспомнят? – после трехминутного ожидания поинтересовался Брук. – Девчонка за стойкой, по-моему, слишком увлеклась телесериалом и забыла о новых гостях.

– Я пойду напомню.

– Никогда так не делай.

Брук ошибся, девчонка не забыла о новых клиентах, их-то всего в кафе оказалось пятеро, и появилась во всей своей красе – свеженакрашенная, с блестящими от только что наложенной помады губами. Костюм Владимира произвел на нее впечатление, к богатому посетителю и отношение соответствующее. Бордовая папка с меню легла сперва перед Владимиром и только потом перед Виктором.

– Я полагаюсь на ваш вкус с выбором пиццы, – произнес Брук, глядя официантке в глаза, – а пиво мы выберем сами. Или ты предпочитаешь водку?

– Днем я пью только пиво. – Виктор чувствовал неловкость, с Бруком они не виделись достаточно давно, и время сильно изменило бывшего приятеля, сделало его властным, вознесло на почти недостижимую высоту.

Владимир пролистал меню и заказал по бокалу немецкого пива.

– Когда выпьем, сразу же повторите, – улыбнулся он официантке.

Виктор сжимал ладонями влажный от конденсата холодный бокал с пивом.

– Долго греть собрался? Пей! За встречу. Сколько пива мы с тобой перепили? – Брук приподнял руку с бокалом и несильно чокнулся с Виктором.

– За встречу, – чуть горьковатое пиво приятно студило гортань, – узнаю немецкий вкус.

– Тот самый вкус – времен ГДР и Штази.

– Тебя в самом деле ищут по всему свету? – спросил Виктор, разрезая ножом пиццу.

– Если бы искали – нашли бы. Я нужен многим.

– А я, кажется, уже никому...

– Не хорони себя раньше времени. Стань утром к зеркалу, посмотри на себя и поймешь, что ты мужик в самом расцвете сил. Скажи себе: «Все у меня получится». Так и случится.

Виктор криво усмехнулся:

– С самого утра на мое отражение лучше не смотреть.

– Ты дня три не попей и тогда посмотришь.

– Бывает, и больше не пью.

– Когда денег нет? – подмигнул Брук.

– По-всякому. Когда денег нет, а когда подходящей компании.

«Полчаса прошло, – подумал Виктор, – он мне выделил час, а я о деле еще не заговорил. Надо спешить. Куда тянуть? Откажет так откажет».

– Володя, есть одно дело.

– А я все жду, когда ты о нем заговоришь. Сразу почувствовал, что ты не просто так меня подцепил. – Брук ел элегантно, умело орудуя вилкой и ножом.

– Я тебе расскажу, а ты уж сам подумай. Это случилось уже после того, как ты из армии ушел, во время вывода войск из Германии.

Брук прожевал кусочек пиццы, отложил приборы и скрестил на груди руки, а Виктор потер внезапно вспотевший лоб.

– Уходили мы в спешке, на сборы всего авиаполка отвели нам две недели. Жаль было бросать то, к чему привык: квартиру в довоенном доме, пейзаж за окном. У меня пейзаж был – кирха на горке и домики с черепичными крышами, как на рождественской открытке. Ну, да... не в этом дело. Мне было поручено сопровождать автоколонну с боеприпасами. А припасы были у нас всякие, в том числе и непростые. – Виктор вздохнул, отправляя в рот неровно отрезанный кусок пиццы.

Брук пожал плечами, а Жигалко продолжил:

– Даже я не знал, что в какой машине лежит, грузили все подряд. Прошли мы Польшу, почти всю Беларусь. И тут один «КрАЗ» колом встал, задний мост полетел. Бывает же такое, стальную проволоку с обочины подцепил, на кардан намотал, и оба дифференциала к чертовой матери на мелкие куски развалились. Даже если бы двигатель застучал – не беда, на буксир взяли бы. А тут колеса словно приварены. Мертво стоим. Надо мной только комроты был. Походил он возле машины, перегрузить ящики не на что, весь транспорт под завязку забит. Вот и оставил он меня да шофера-первогодка «КрАЗ» с грузом сторожить.

Бросил нам с шофером ящик тушенки, и остались мы одни без связи. Обещал, что за три дня кто-нибудь да приедет с другой машиной. Мы неделю прождали. В кабине спали, жрали одну тушенку. До деревни три километра, а в те годы в магазин хлеб если и привозили, то через пять минут уже ни одной буханки не оставалось. От нечего делать мы с шофером в карты играли. Игрок из него никудышный, да и играть приходилось только на интерес. Что у солдата выиграть можно? Я его и поил, и кормил. На восьмой день я не выдержал и пошел звонить. Десять километров до почты пешком отмахал. Единственный телефонный номер, который у меня был, – в доме родителей командира роты. Повезло, на него и нарвался. Он только вчера на новое место дислокации прибыл и за успешно выполненное задание на три дня на родину укатил. «Никто за тобой не приедет, – так и сказал мне, – про машину твою никто и не вспомнит. Тут такой бардак творится, что если кто десять танков по дороге потеряет, то и их пропажи не хватятся». Я еще было заикнулся, мол, авиабомбы на дороге не оставишь – не тук соломы. А он мне: «Проявляй военную смекалку». Я и проявил. За оставшуюся тушенку нанял в дорожно-ремонтном управлении экскаватор и закопал на хрен все бомбы возле дороги. А машину колхозу подарил. Они меня и шофера моего за это до Смоленска подбросили.

Брук молча выслушал Виктора и вновь пожал плечами:

– История как история. В начале девяностых такое повсюду творилось. Что за авиабомбы ты белорусам на память о себе оставил?

– С отравляющими веществами – химические. «Зорин» или «зоман», теперь точно и не вспомню. Так обрадовался, когда от них избавился, что сразу и забыть постарался.

– Предлагаешь купить?

– Почему бы и нет?

Брук задумался, вертел в руках золотистую зажигалку.

– Не мой профиль. Я законы стараюсь не нарушать. Торгую только разрешенным, тем, на что документы имеются, а химическое оружие запрещено, да и документов у тебя на него нет. Ты хоть место-то найти сможешь? – без особой последовательности поинтересовался Брук.

– С закрытыми глазами. За неделю, что там сидел, я каждый камешек, каждый ориентир запомнил.

– Верю... Ты мне свой телефонный номер оставь на всякий случай.

Виктор принялся хлопать себя по карманам, беспомощно развел руками:

– Ни бумаги, ни ручки.

– Конечно. Это ты, когда капитаном был, с планшеткой не расставался. Диктуй.

В руке Брук сжимал мобильник и сосредоточенно, переспрашивая, вводил цифры одну за другой.

– Готово, – сказал он и сдвинул манжет. – Время не ждет. Рад был видеть. На свой клад особо не рассчитывай. Вряд ли он кому понадобится. – Выдержав паузу, Владимир полез в карман, сунул тысячную купюру под пепельницу и еще три положил перед бывшим приятелем. – Бери, по глазам вижу, что денег у тебя сейчас не густо, а для меня три бумажки – пыль.

– Я отдам, – нерешительно произнес Виктор, привыкший возвращать долги.

– Не надо. Будешь пить, первую рюмку выпей за мое здоровье. – Брук еще раз подмигнул и поднялся с места. – Визитки не оставляю, сам не знаю, где буду завтра, и так всю жизнь.

Бывший советский капитан сидел за столом в одиночестве и тербил три тысячные купюры. Странно, но радости по поводу появления «халявных» денег он не испытывал, скорее злость на самого себя.

«Кто бы тогда сказал, что Володька так поднимется? Ни к складам, ни к топливу отношения не имел. Так... привозил из своих полетов дешевые сувениры: яйцо страуса да диковинную раковину. Вот и все, что у него было».

Подошла официантка. Виктор указал ей взглядом на купюру, торчащую из-под пепельницы:

– Здесь хватит?

– Еще и останется.

– На что именно?

Девушка не заподозрила Жигалко в том, что он может соблазниться еще на одну пиццу или закажет салат:

– На два немецких пива или на три наших.

– Неси, девонька, три наших.

– Сразу три или по одному?

– Все сразу. Зачем тебе три раза бегать?

– Работа у меня такая, – заменив пепельницу, обронила официантка.

«Не позвонит. А номер мой записал только для того, чтобы мне не было обидно», – решил Виктор.

Глава 2

Военные во всех странах одинаковы. Нет, они, конечно, разнятся формой, воспитанием, языком, умением выпить, но суть их всегда остается неизменной. И не важно – российский это военный, американский или германский. Все одним миром мазаны. А если речь пойдет о тех, кто служит в военной разведке и контрразведке, то тут уж сам черт ногу сломит. Все на одно лицо. Профессия накладывает отпечаток не только на душу, но и на внешний вид.

Особенно это заметно в Брюсселе, где располагается штаб-квартира НАТО. Тут можно встретить военных со всего мира...

В одном из кабинетов натовской штаб-квартиры за новеньким дорогим столом из орехового дерева восседал американский генерал. С момента начала войны с Ираком спеси и самоуверенности в нем немного поубавилось. Багдадский загар еще не успел сойти с его лица. Напротив генерала в кресле для посетителей, скромно положив на колени руки, сидел невозмутимый капитан разведки Томас Уэллер.

– В начале войны я считал главным противником иракскую армию, – вздохнул генерал, – а теперь убеждаюсь, что больший урон нашим вооруженным силам наносят журналисты и союзники по коалиции.

– Если вас интересуют цифры, то на создание привлекательного образа солдата-освободителя в странах коалиции тратится примерно столько же средств, сколько и на ведение военных действий.

– Если бы это приносило пользу. – Генерал хрустнул пальцами. – Союзники спят и видят, как выведут свой контингент из Ирака. А теперь еще оказывается, что никакого химического оружия в распоряжении Саддама не было.

– Война начиналась как превентивная, – напомнил аналитик. – Это был удачный политический ход. Борьба с извергом, готовым отравить полмира, нашла поддержку у населения. Но демократия не устояла перед напором журналистов, раструбивших, что химическое оружие – блеф. Теперь пожинаем плоды прежнего успеха. Если ситуация не изменится, часть союзников покинет коалицию.

– Что вы имеете в виду под «ситуация не изменится»? – осторожно поинтересовался генерал.

– Если мощности по производству или хотя бы само химическое оружие будут обнаружены в Ираке, это даст положительный сдвиг в общественном мнении.

Генерал озадаченно тер подбородок, он привык воевать, а не решать головоломки. Надежды обнаружить запасы запрещенных веществ на территории, подконтрольной американской армии, уже давно покинули его.

– У вас есть определенные сведения?

– Любую ситуацию можно создать искусственно, – напомнил капитан Уэллер.

– Чтобы журналисты потом снова докопались до правды?

– Теперь мы знаем, кого стоит опасаться. Не врага, а своих, – улыбка искривила тонкие губы Томаса Уэллера. – Самая большая опасность – развал коалиции. Саддам перестал быть универсальной угрозой, цементирующей ее. Это как во времена существования СССР – общий враг объединял страны, ориентированные на евроатлантические ценности. С его исчезновением целостная картина мира дала трещину. А кому хочется смотреть в разбитое зеркало?

– Россия практически сдала Ирак, – напомнил генерал.

– Россия – не СССР. Это во-первых, а во-вторых – она не присоединилась к коалиции. Если мы сумеем доказать, что Россия снабжала или снабжает Ирак химическим оружием, ситуация тут же изменится в нашу пользу.

– У вас есть подобная информация?

Капитан с разочарованием посмотрел на генерала.

– Любую ситуацию можно создать искусственно, – повторился он, злясь на несообразительность генерала.

В глазах военного вспыхнуло понимание.

– Спровоцировать?

– Я этого не говорил. Но план, разработанный мной, можно истолковать и таким образом.

– Я не слышал и не желаю слышать о вашем плане, хоть и читал его, – генерал довольно потер руки, – однако мне стала понятна ваша мысль. Если ваш план удастся, ждите повышения. Если же нет, то ничем не смогу помочь, даже если вы угодите под суд. Никто не должен заподозрить, что это спровоцировано нами. Ваши люди надежны?

– Своих людей я и не собираюсь подставлять. Но есть одиозный российский гражданин, которого можно использовать, – Владимир Брук. Он, кстати, объявлен в международный розыск. В остальном будем использовать иностранцев, имевших в свое время отношение к советскому блоку... Даже если операция провалится раньше расчетного времени, у нас будет возможность свалить всю вину на российские спецслужбы.

– Но даже Владимир Брук не должен понимать, что заказ на поставку сделан нами. Проведите игру исключительно через подставных. Кандидатуры уже подобрали?

– Как всегда. Не желаете взглянуть на фотографии? – предложил аналитик.

Генерал убрал со стола руки, словно боялся случайно прикоснуться к фотографиям и оставить на них отпечатки пальцев, однако в глазах его читалось любопытство.

– Предполагается задействовать троих основных участников. – Томас Уэллер раскрыл папку. – Первый из них – Владимир Брук, о нем вы наверняка слышаны, один из ведущих мировых частных торговцев оружием, выполняет неудобные, с точки зрения международного права, заказы, в том числе и американские. Достоинство Брука в том, что он всеяден. Второй участник...

– Можете не рассказывать ни о втором, ни о третьем, – усмехнулся генерал, – их я узнал по фотографиям. Вы сделали удачный выбор, мне только остается пожелать вам удачи и напомнить, что в случае провала всю вину вам придется взять на себя. И тогда в лучшем случае объявят, что вы продались иракским террористам за деньги. В худшем – исчезните до начала расследования.

– Я не первый год служу в разведке. Надеюсь служить и дальше. Все, что мне понадобится, – деньги и на завершающем этапе взвод морских пехотинцев.

* * *

Кортеж Президента России мчался к полигону. Мелькали за тонированными стеклами замершие на обочинах машины. Изредка над дорогой раздавались грозные окрики, летевшие из динамика головной машины сопровождения:

– Куда лезешь! Водитель синих «Жигулей», прижаться к обочине и остановиться...

«Жигули» тут же прижимались, и водитель, затаив дыхание, ждал, когда пронесется вереница поблескивающих лаком черных машин, над капотом одной из которых трепыхался триколор. А потом еще несколько минут сидел, боясь пошевелиться. За неподчинение – нежелание пропустить колонну – могли и прав лишить. Тут уж ни взяткой не отделаешься, ни отговоришься. И только после того, как все машины трогались, переводил дыхание и водитель синих «Жигулей». О нем никто не вспоминал, никто не стремился его остановить и лишить прав.

За очередным поворотом в хвост президентскому кортежу пристроился заляпанный грязью «Лендровер». Над приспущенным стеклом задней дверцы подрагивали удочки. Машина сопровождения, идущая перед ним, тут же стала сбавлять скорость, вилять, не давая себя обо-

гнать. И тут рация в ее салоне ожила, отозвавшись сдержанным голосом помощника Президента.

– Пусть «Лендровер» следует в колонне, пропустите его перед собой.

– Подтвердите «пропустить „Лендровер“».

– Именно так я и сказал.

Водитель машины, замыкающей кортеж, принял вправо, а охранник, опустив стекло, замахал рукой, показывая «Лендроверу», чтобы тот ушел вперед. Клим Бондарев, обгоняя машину президентской охраны, с благодарностью приподнял руку.

– Кто он такой? – вопреки обыкновению спросил водитель-охранник.

Обычно распоряжения руководства не обсуждались ни под каким видом. Он смотрел на заляпанные грязью номера «Лендровера», на густо покрытую брызгами заднюю дверцу, на покачивающиеся удочки.

– Однажды я его видел, – задумчиво произнес охранник, сидевший на заднем сиденье, – в летнюю резиденцию приезжал, на этом самом внедорожнике. С Президентом рыбу ловил.

– Разве Президент – рыбак?

– Что видел, то и говорю.

Кортеж ушел с трассы на узкую, ровно заасфальтированную дорогу с новенькой разметкой, перед поворотом висел щит с предостерегающей надписью «Проезд запрещен». Хоть железные ворота, украшенные золотыми звездами и двуглавыми орлами, были открыты настежь и дорога за ними была ничуть не хуже той, что вела от трассы, кортеж сбавил скорость. Часовой вскинул руку к козырьку и застыл, ему впервые приходилось видеть президентскую машину. Он опустил руку только тогда, когда последний автомобиль миновал ворота, и тут же бросился к телефону – доложить об этом.

Начальник полигона ожидал высокого гостя на краю бетонной площадки у подножия деревянной трибуны. Невдалеке виднелись привезенный сюда неделю назад старый пассажирский лайнер «Ту-134» и две пожарные машины.

Президентский лимузин развернулся на бетоне. Начальник полигона строевым шагом направился к распахнутой дверце. Подошва его ботинка последний раз звонко щелкнула по плитам как раз в тот момент, когда глава государства легко выбрался из машины.

– Товарищ главнокомандующий... – принялся докладывать начальник полигона, то и дело косясь на грязный внедорожник, возле которого стоял скрестивший на груди руки Клим Бондарев.

Президент слушал доклад внимательно, но слегка кривился, словно от зубной боли.

– Приступайте к учениям, – тихо сказал он, – ведь они и есть то, ради чего мы все собрались здесь.

– Прошу подняться на трибуну. Оттуда лучше видно. Условия таковы, – продолжал докладывать начальник полигона, – самолет захвачен условными террористами и произвел посадку в аэропорту для дозаправки, в салоне восемьдесят заложников...

– Прошу прощения, – Президент поднял руку, – я был заранее ознакомлен с условиями. Клим Владимирович, идите ближе, мне будет важно услышать и ваше мнение.

Бондарев стал рядом с главой государства, и они наконец обменялись рукопожатиями.

– Кажется, мы всю жизнь были на «ты». Зачем говоришь «вы», да еще по имени-отчеству? – прошептал Клим.

– Конспирация, – усмехнулся Президент.

На мониторах, установленных по углам трибуны, было заведено изображение с камер, установленных в салоне лайнера: в креслах сидели мужчины, женщины и дети. Между рядами прохаживались вооруженные пистолетами террористы в черных масках. Тем временем на бетонной площадке уже вовсю шла инсценировка освобождения заложников. Под прикрытием заправщика к самолету бежала группа из десяти спецназовцев в полной экипировке – шлемы,

бронежилеты. В открытом люке самолета стоял «террорист», прикрывавшийся женщиной, и что-то зло кричал непонятно кому – спецназовцев он не должен был видеть.

– По-моему, он просто матерится. – Бондарев чуть толкнул локтем Президента.

– Что ты хочешь, условия, приближенные к реальным.

Двое спецназовцев, переодетые служащими аэропорта, взобрались на цистерну заправщика и принялись прилаживать шланг. Улучив момент, один из них выхватил из-за пазухи пистолет с глушителем и выстрелил. Террорист, державший женщину, получил в голову заряд красной краски и, картинно вскинув руки, вывалился из открытого люка точно на расставленные под ним картонные коробки. Спецназовцы тут же зацепили раздвижную лестницу за низ люка и один за другим исчезли в фюзеляже; послышалась беспорядочная стрельба; из люка повалил дым.

– То, что происходит внутри, вы можете видеть на мониторе, – услужливо подсказал начальник полигона.

На мониторах ничего нельзя было рассмотреть, кроме клубов дыма и мечущихся теней.

– Спасибо, мы наблюдаем, – глядя на то, как из картонных коробок под брюхом самолета выбирается «смертельно раненный террорист» и брезгливо вытирает со лба красную краску, проговорил Президент.

– Он летел вниз мастерски, – серьезно проговорил Бондарев, – жаль, что не стал потом раскланиваться на публику, а то я бы поаплодировал.

В самолете распахнулся задний люк, взметнулся надувной трап. По нему уже съезжали заложники. Пожарники подхватывали их и отводили в сторону. Самым красочным был спуск обезвреженных «террористов». Мужчин в масках с прорезями для глаз и рта, со скованными наручниками за спиной руками бросали на трап вниз головой. И если бы не мастерство пожарников, ловивших их внизу, кто-нибудь из условных противников неминуемо лишился бы лица, оставив его на шершавом бетоне вместе с вязаной маской. «Террористов» носили и складывали рядком. Спецназовец в шлеме с прозрачным забралом орал на них и делал вид, что бьет ногой в промежности, заставляя расставить и без того широко разведенные ноги.

– Потерь со стороны спецподразделения нет. Двое террористов-смертников с взрывчаткой убиты на месте, прежде чем успели привести в действие взрывные устройства, – бодро докладывал начальник полигона, – никто из заложников не пострадал...

Президент слушал его вполуха:

– Спасибо. Надеюсь, в реальности им нечасто придется демонстрировать свое умение.

– Если придется, они с честью исполнят порученное дело.

– Я ненадолго оставляю вас с министром, – произнес Президент, увлекая Клима Бондарева к лестнице.

Двое президентских охранников спустились вслед за ними, шли в отдалении, чтобы не мозолить глаза.

– Клим, – сказал Президент, – ты не против того, что я вытащил тебя на учения спецназа?

– У меня был выбор?

– Не было. Когда находишься вверху, то кажется, что тебе лучше видно, но я могу видеть только общую картину. – Он остановился, заглянул Бондареву в глаза. – Я поймал себя на том, что начинаю слышать только то, что хочу услышать. А они, – Президент покосился на трибуну, – очень чутко улавливают мои желания. Иногда даже раньше, чем я успеваю понять, в чем дело.

– Хочешь узнать мое мнение о тебе?

– Нет. Я хочу знать, что ты думаешь о нашей внешней политике.

Бондарев даже присвистнул:

– Высоко хватил. Я стараюсь об этом не думать, разве что по привычке иногда накатывает.

– Иногда болтовня мужиков за пивом в бане трезвее докладов на коллегии Министерства иностранных дел. Ты же бываешь в нормальной бане с нормальными мужиками?

– Я старых привычек не бросил.

– И что говорят они о нашей внешней политике?

– Мат я опушу, – вкрадчиво сказал Бондарев, – оставлю только смысл. В прошлый четверг я, как всегда, пошел с компанией попариться. Полковник, служивший еще в Афганистане, директор кинотеатра, журналист, историк и я. Мнение такой компании тебя устроит?

– Вполне. Полную выборку не могут дать даже социологические опросы.

– Так вот. Сошлись на том, что ты играешь с огнем, преувеличивая с телевизионных экранов сегодняшнее благополучие России.

– Разве экономика не растет?

– Любой думающий человек знает, за счет чего – высокие цены на нефть. Пока идет война в Ираке – мы процветаем, как и другие нефтедобытчики. В высокой цене заинтересованы все, но нужно найти виновного в том, что заправка автомобиля стоит дорого. Западу нужно свалить вину на нестабильность в регионе на кого-то другого. И он вполне может обвинить Россию в поддержке шиитского восстания в Ираке. Скажем, нас обвинят в том, что мы финансово поддерживаем Армию Магди. Кстати, ты знаешь, кто такой Магди?

– Что-то припоминаю.

– Магди – так зовут тринадцатого пророка в исламе, он должен еще прийти и освободить человечество на тысячелетнее царствие Аллаха, и только потом свершится Страшный суд.

– Кто такой Магди, тебе рассказал историк?

– Нет, это я рассказал ему, он специалист по русской истории, а не по истории ислама. То, что мы остались в стороне от иракской войны, это правильно, но найдется много желающих втянуть нас в нее.

– Каким образом?

– Опосредованно. Теперь общественное мнение не волнуют реальные события, достаточно картинки в телевизоре.

– Значит, провокация. Я тоже больше всего опасаясь именно ее. Мы мыслим синхронно.

– Ты тоже спокойно бы вписался в нашу компанию в бане. Любой нормальный, трезво-мыслящий мужик в нее впишется. А еще говорили о торговле оружием. Все потешались над тем, что Владимира Брука объявили в международный розыск, а он преспокойно выступает в прямом эфире «Эха столицы». Теперь твоя очередь объяснить мне такой феномен, а то я мужикам обещал переговорить к следующему походу в баню со сведущими людьми и дать им толковый ответ.

– Брук... – Президент досадливо потер шею. – Я тоже поднимал этот вопрос. Тебе нечего будет им сказать, кроме общих фраз. Я доверяю профессионалам, а меня они заверили, что от него больше пользы, чем вреда. Раз спецслужбы считают, что Брук может находиться на свободе, значит, так и должно быть. Кстати, не только наши, но и американцы его не трогают. Всегда должен кто-то делать грязную работу. Когда требуется твоя помощь, я тоже освобождаю тебя от ответственности. Судят по результатам.

– Тебе видней. Ты спросил, я ответил. И еще мы говорили о том, что теряем свою агентуру за рубежом. Нет денег ее содержать. Ты сам знаешь, скольких агентов в Германии нам пришлось «заморозить».

– Знаю, и мне обидно не меньше твоего.

* * *

Владимир Брук не кривил душой, когда говорил Виктору Жигалко, что не любит, когда его узнают, не любит бросаться в глаза. Одевался он дорого, но не броско. Только сведущий

человек мог понять, что костюм на нем не просто дорогой, а супердорогой. Машинами он пользовался новыми, менял их через год, но никогда не позволял себе ездить на престижных марках.

Водитель Владимира Брука дожидался своего хозяина перед закрытыми воротами подмосковного особняка с восьми утра. Тот мог появиться в любую минуту, а мог и не выйти вообще – таковы условия, на которых водитель был принят на службу. И если бы Брук, выйдя из дому, сказал: «Мы, Василий, едем в Выборг и вернемся через неделю», водитель должен был лишь поинтересоваться, какой дорогой следует воспользоваться. Он обязан был безоговорочно ехать хоть на край света. Большие деньги просто так не платят, за них приходится расплачиваться свободным временем и молчанием. Даже в те дни, когда хозяина в Москве не было, машина ждала его у ворот.

Брук вышел из калитки один. Запрокинув голову, взглянул в утреннее небо и усмехнулся, голубизну небосвода нарушал реактивный самолет, тянувший за собой белую ленту следа. Владимир всегда был неравнодушен к самолетам.

– Доброе утро, – бросил он, устраиваясь на заднем сиденье.

В отличие от многих своих соотечественников по бывшему Союзу, Брук никогда не садился рядом с шофером – только сзади.

– Доброе, – простодушно ответил Василий, прикасаясь к ключу зажигания.

– В Москву, – Брук произнес это просто, спокойно, но досконально изучивший привычки хозяина водитель сразу же почувствовал, что торговец оружием одной Москвой сегодня не ограничится, в столицу вернутся в лучшем случае завтра.

Джип легко развернулся на площадке и покатил к трассе. Дом тут же исчез за поворотом, его заслонил лес. Все, что касалось жизни Владимира Брука, находилось не на виду, а в сторонке. Василий уже привык к тому, что хозяин обычно не называл адрес, словно боялся, что его прослушивают даже в собственной машине. Вот и сейчас он ограничивался фразами: «на следующем перекрестке направо», «теперь налево», «а теперь во двор»... Наконец джип остановился у старой панельной девятиэтажки позади неприметных «Жигулей». Сидевший за рулем «Жигулей» обернулся и чуть заметно кивнул Бруку.

– Жди здесь, скоро поедем, – проговорил торговец оружием, покидая машину.

Он в одиночестве легко взбежал на крыльцо и исчез в подъезде – металлическая дверь оказалась не заперта, был сломан возвратный механизм.

«И это неспроста», – подумал шофер.

Брук выбрался из закопченного лифта на восьмом этаже, сверился с бумажкой, на которой был записан адрес, и вдавил кнопку дверного звонка. Ждать пришлось недолго – на пороге показался заспанный Виктор Жигалко, вчерашняя выпивка все еще туманила мозг. Он с недоверием смотрел на гостя, подозревая, что тот ему только мерещится.

– Привет, – отозвался Брук, поняв, что хозяин квартиры первым не заговорит, – не ждал?

– Не ждал так скоро, – криво усмехнулся бывший советский капитан, – мог бы и позвонить.

– Некогда. Собирайся и поехали.

– Куда? – тер заспанные глаза Виктор.

– У нас с тобой только одно общее дело. Я решил не ждать, пока появится покупатель. Покажешь место, и мы с тобой разбежимся. Идет?

– Пошли в квартиру, – предложил Жигалко.

Брук не стал отказываться. Пока Виктор мылся, Владимир стоял посреди комнаты и немного брезгливо осматривал ее убранство.

– Кофе будешь? – Жигалко заглянул в дверь.

– Кофе попьем в дороге. Время не ждет.

– Это же когда мы вернемся?

– Завтра, – широкая улыбка осветила лицо торговца оружием. – Спешу, время – деньги. Виктор покачал головой:

– Минутой больше, минутой меньше. Мне позвонить надо, встречу отменить, – он шагнул к телефону.

– Нет. Только без обид, – ладонь Брука легла на выдавший виды телефонный аппарат, – у меня строгие правила ведения дел. Никаких звонков, никаких контактов до тех пор, пока товар не окажется в моих руках. Исключений я ни для кого не делаю. Пять тысяч зеленых компенсируют твои потери?

Жигалко не сумел скрыть то, что согласился бы и за меньшую сумму, выбора у него не было, поэтому сказанное им прозвучало фальшиво:

– Я рассчитывал тысяч на десять минимум.

– Пять, зато сразу. – Брук вытащил из кармана деньги. Когда Жигалко хотел взять их, Владимир отдернул руку. – Сразу – это значит, когда я увижу товар и пойму, что он мне нужен.

– Идет, – обреченно согласился Виктор, – только в дорогу чего-нибудь соберу.

– Еду, выпивку, остальные расходы я беру на себя. Поторопись, дорога не близкая.

Бывший советский капитан привык собираться быстро. Оделся он по-походному: джинсы, кроссовки, свитер, прихватил и куртку.

– Я готов, – произнес он, открывая дверь.

Брук вышел первым. На улице он снова обменялся взглядом с водителем «Жигулей», сделал это неприметно, чтобы Виктор не заметил.

– На Минское шоссе и вперед, – сказал он водителю, когда джип уже выезжал со двора.

Жигалко тер виски, пытаясь унять пульсирующую головную боль, то накатывавшую, то отступавшую.

– Мучаешься? – без тени злорадства поинтересовался Брук.

– Мне бы еще часика три поспать, и буду в порядке. – Виктор прикрыл глаза.

Владимир толкнул его в бок:

– Для начала выпей. – Он подал стакан с холодной минералкой и блестящий квадратик с проступавшей из-под фольги таблеткой.

– Что это?

– Не спрашивай, а пей. Поможет.

Виктор зубами разорвал упаковку, жадно глотнул таблетку и тут же запил холодной шипучей водой. Прислушался к ощущениям. Таблетка оказалась чуть кисловатой, казалось, что она все еще висит в пищеводе, приклеившись к его стенке, но Виктор понимал, что это только кажется ему. Таблетка лишь оцарапала сухой пищевод.

– Часто принимать приходится? – поинтересовался Виктор.

– Случается – заказчики народ капризный, с ними просто вынужден часто пить.

– Проверим твоё чудо-лекарство в действии.

Виктор устроился поудобнее и закрыл глаза. Машина шла мягко, раскачиваясь, словно специально баюкала пассажира. Чуть слышно играла радиомызыка. В салоне распространялся приятный аромат.

– Сандаловым деревом пахнет, – негромко проговорил Жигалко.

– Можешь спать до границы с Беларусью, – напомнил ему Брук. – Дальше уже тебе придется прокладывать маршрут.

– Я все помню, словно это вчера было, – не открывая глаз, пробормотал Виктор.

Владимир обернулся, чтобы убедиться – «Жигули» следуют за джипом. Тихо, чтобы не разбудить спящего, Брук вытащил мобильник.

– Степан, – произнес он в трубку, – будь наготове, к вечеру мы окажемся на месте, тогда еще раз тебе и перезвоню.

* * *

Жигалко проснулся оттого, что в салоне машины разлился аромат кофе. Сперва он несколько раз глубоко втянул воздух носом, а затем открыл глаза и оторвал голову от спинки сиденья.

– Тебя и будить не пришлось. Как голова? – Брук нажал клавишу на подлокотнике, и стекло возле Виктора медленно приспустилось на несколько сантиметров.

Виктор несколько раз наклонил голову в разные стороны, разминая шею.

– Не беспокоит.

За стеклами машины ярко светило закатное солнце, его золотые лучи пронизывали салон, слепили. Над приспущенным стеклом свистел ветер. Стрелка спидометра застыла напротив цифры сто.

– Где мы?

– Уже в Беларуси. До места, о котором ты говорил, осталось километров пятьдесят.

– Не проскочить бы поворот. Шоссе расширили, тогда было только две полосы движения.

– Смотри в оба, – ухмыльнулся Владимир Брук.

Виктор взял в руки карту и, сверяясь с ней, наконец определил место, где они проезжали.

– Как пересечем железную дорогу, то на первом же повороте уходим влево.

Водитель посмотрел на хозяина, тот согласно кивнул. Брук разлил кофе в низкие стаканчики, один подал Виктору.

– Утром я лишил тебя этого удовольствия. Бутерброды в холодильнике.

Только сейчас Виктор Жигалко заметил, что в машине есть и небольшой холодильник. Дорога пошла в гору, возносясь на путепроводе над железной дорогой.

– Отсюда рукой подать, – Жигалко указал на поросшую темным лесом гряду, – прямо за ней, – и тут же, вспомнив про обещанные деньги, подмигнул Бруку.

Тот подмигнул в ответ.

«Кому он втюхает боеприпасы, начиненные ОВ? Надеюсь, вывезет их за границу. Не хотелось бы, чтобы они рванули в России. Но про это я никогда не узнаю. О таких вещах лучше не спрашивать», – подумал Виктор.

Автомобиль свернул, уходя по съезду вправо. Асфальт кончился в двухстах метрах от трассы. Но и грунтовка позволяла держать приличную скорость. «Жигули», следовавшие за джипом от самой Москвы, притормозили на обочине трассы. Жигалко вертел головой, радостно узнавая ориентир за ориентиром, наконец выпалил:

– Здесь.

Машина остановилась у молодой березовой рощи, на другой стороне дороги виднелся заброшенный коровник с проваленной крышей и облицованная бетонными плитами пустая силосная яма.

– Ты уверен на все сто процентов? – выбираясь из машины, спросил Брук.

– На двести. А вернее будет сказать, на пять тысяч долларов. – Виктор уже шагал по сухой редкой траве придорожного пустыря. – Сейчас я совсем точное место покажу. – Он остановился, присел на корточки, присел и Владимир. – Бугорок видишь?

– Если б ты не сказал, я бы не заметил. Уверен, что здесь после тебя никто не копал?

– Абсолютно. Там оно, под землей. Два метра грунта сверху, а ниже... Лопатами тут не обойтись. Кубометров двести поднять придется. Это двести человеко-часов, если солдат пригнать.

Брук улыбнулся:

– Никто не станет гнать сюда солдат. Чем меньше людей знают о закопанном, тем лучше.

Он вытащил телефон и отошел в сторону, говорил недолго, когда вернулся, сообщил:

– Часа через два-три подгонят экскаватор, а пока не стоит здесь лишний раз маячить.

Машину перегнали к леску. Водитель извлек раскладной столик и стулья, одноразовую посуду, нашлась и белоснежная скатерка. Развели костер. На стол Брук выставил из спиртного только сухое вино. Виктор и не возражал, все же не на пикник приехали. Он с удовольствием поел, похмелье ушло безвозвратно.

– Я бы тоже только и пил «сухач», если бы он не стоил так дорого, – смакуя густое красное вино, говорил Виктор, – а так, если пересчитать вино и водку на «тротиловый эквивалент», получается, что один водочный градус стоит в пять раз меньше винного.

– Ты прав, – задумчиво ответил Брук, глядя на уходящее за горизонт солнце.

– Вот ты мне объясни, – настаивал Виктор, вино немного вскружило ему голову, – у тебя не было «волосатой руки», а бизнес ты крутой освоил. Как так получилось?

– Ты радио слушал?

– На радио и в газетах правды не бывает, – уверенно объявил Виктор.

– Я не боялся делать то, что другие обходили стороной, – засмеялся Брук. – Только так поднимают большие деньги.

– Убивать тебе доводилось? Конечно, не самому...

Такая откровенность не возмутила торговца оружием. Он подцепил на вилку ломтик лимона и задумался.

– Хороший вопрос, на него нельзя ответить, кроме как сказав «да» или «нет». Да – приходилось. Тех, кто в противном случае убил бы меня.

– Это правильно. Как на войне, – вздохнул Виктор, – или ты, или тебя.

Воздух после захода солнца, казалось, загустел, яркие цвета дня потускнели. Со стороны трассы слышался гул, и вскоре из-за леса выползли колесный гидравлический экскаватор, «КамАЗ» с полуприцепом и микроавтобус.

– Все, отдых окончен. – Брук поднялся и замахал руками над головой, «КамАЗ» ответил ему протяжным гудком.

Виктор почувствовал, как екнуло сердце, – до этого момента сделка с извлечением законных боеприпасов казалась ему не до конца настоящей. Теперь же он почувствовал себя в роли человека, выпускающего из бутылки джинна. Раз оружие извлекают, значит, где-то оно сработает. Жигалко захотелось просто сунуть руки в карманы и пойти прочь проселком, но он тут же успокоил себя фразой, почерпнутой из интервью с Бруком: «Убивает не оружие, а люди, которые берут его в руки».

Владимир уже стоял на бугре и командовал экскаватором. Ковш опустился на рыхлую почву, легко вошел в нее. «КамАЗ» с полуприцепом стоял в стороне с заглушенным двигателем; за приоткрытой дверцей микроавтобуса виднелись пятеро мужчин в спецовках, на полу лежали лопаты. О Викторе, казалось, все забыли, никто к нему не обращался, не смотрел в его сторону. Ковш за ковшом росла гора извлеченного грунта. Последние ковши экскаваторщик набирал осторожно, врезаясь в грунт сантиметров на двадцать-тридцать. Брук следил за ним, сидя на краю котлована. Поднял руку, показывая, что пока – хватит. В яму спустились землекопы, вскоре лопаты уже застучали по оцинкованным ящикам.

– Виктор, иди сюда, – крикнул Брук и сам первым спрыгнул в яму, вырвал лопату из рук землекопа, расчистил крышку одного из ящиков. – Ты знаешь, как его открыть, чтобы меньше повредить, – бросил он Виктору, когда тот оказался рядом.

– Чего ж, умение не хитрое, – руками Жигалко отгреб мелкий песок, нащупал в промежутке между ящиками пружинные замки и поднял крышку.

Брук сверил маркировку с записью в блокноте, удовлетворенно хмыкнул:

– Хм... порядок. Грузите в «КамАЗ», только аккуратно. А мы с тобой отойдем к лесу.

Поскальзываясь на песке, мужчины выбрались из ямы. Брук шагнул впереди, даже не оглядываясь, зная, что Виктор идет следом. На опушке он остановился, перевел дыхание, глаза его светились неподдельной радостью.

– Держи, заработал, – он протянул Жигалко стопку долларов.

Она показалась Виктору до обидного тонкой, но тут же он несколько раз повторил про себя:

«Здесь пять тысяч, пять тысяч... Большого тебе не дал бы никто».

– Считать не буду. – Жигалко бросил деньги в карман.

– Правильно. Я могу убить, а не обмануть, – засмеялся Брук. – Что делать будешь? Я только к утру в Москву отправлюсь. – Он покосился на работающий экскаватор, мужики в яме ставили по одному ящику в ковш, а тот поднимал их, затем ящики оказывались в прицепе «КамАЗа». – Хочешь, поехали вместе?

– Теперь с тобой стремно. Вдруг менты стопорнут.

– С моим счастьем такого не случится. Я везучий.

– Зато с моим – запросто. А на деньгах в кармане не написано, за что их получил.

– Тоже верно. Как добираться станешь? Попуткой?

– Поездом. Тут до станции всего ничего.

– Просто так я тебя не отпущу, – ухмыльнулся Брук, – на джипе к станции подкину, да еще и расписание мы с тобой уточним.

Ничего больше не объясняя, Владимир пошел к джипу. Виктор с недоверием смотрел на то, как Брук с помощью мобильного и ноутбука вышел в Интернет и отыскал расписание поездов.

– До ближайшего поезда на Москву еще три с половиной часа.

– Оно и отлично.

– Как знаешь. Мое дело предложить. – Брук подозвал водителя: – На вокзал в райцентр. – А сам вышел из машины и пожал Виктору руку: – Спасибо за помощь. Очень рад был нашей встрече.

– Я тоже. – Жигалко машинально проверил, лежат ли деньги во внутреннем кармане, и тут же улыбнулся.

– Деньги не главное в жизни.

– Не главное... когда они есть.

– С сегодняшнего дня твоя жизнь круто изменится.

– С какой стати?

– Ты уж мне поверь, я знаю, – загадочно произнес Брук и хлопнул Виктора по плечу. – Прощай. – Сказав это, он резко повернулся – каблучки дорогих туфель ввинтились в песок – и зашагал к котловану, из которого извлекали последние ящики.

Виктор Жигалко сел рядом с водителем, джип плавно тронулся с места.

– Как с Бруком тебе работается? – спросил он.

– Нормально. Толковый мужик, – ответил шофер, сверкнув золотым зубом.

– И много тебе платит? Если не секрет.

– Как всем. Найти водителя – не проблема.

Поняв, что шофера не разговорить, Виктор замолчал. За стеклами машины проплывал мрачный в сумерках лес.

«Вот и пришлось мне вернуться на десять лет назад, – усмехнулся Жигалко. – Пять тысяч не слишком большие деньги, но они подарок из прошлого, компенсация за службу в Советской Армии. Тоже хорошо».

В отдалении на трассе маячили «Жигули», но мало ли кому еще надо ехать в райцентр! Райцентр миновали быстро, после московских масштабов и автомобильных пробок Виктору показалось, что они проскочили его мгновенно. Только-только показались первые дома, а за

ними и вокзал. Старое здание с остроконечной крышей растянулось вдоль площади, посередине которой красовался сквер, густо обсаженный по периметру аккуратно подстриженными кустами.

– Вот и приехали, – отозвался неразговорчивый шофер. Он перегнулся через спинку сиденья и вытащил бутылку красного сухого вина, точно такое же Виктор с Бруком пили на опушке леса. – Хозяин просил вам передать на память. И еще, вот белорусские деньги, на билет.

Водитель так и сказал – «хозяин». От этого слова Виктор почувствовал неловкость, сам бы он никогда не смог так назвать другого человека. Командиром, шефом – пожалуйста, а хозяином язык не повернулся бы. Было в этом слове что-то плебейское, унижительное. Он принял бутылку из рук водителя, к горлышку был прикреплен миниатюрный одноразовый штопор. Деньги сунул в карман джинсов.

– Удобно, не надо пропихивать пробку, если в дороге захотите выпить. – Шофер кивнул на прощание и уехал.

Жигалко стоял на площади с бутылкой в руках, глядя на ярко освещенное здание вокзала. Билет ему не продали, миловидная кассирша с обворожительной улыбкой сообщила, что сделает это не раньше чем за полчаса до прибытия поезда.

– Вот невезуха! – воскликнул ожидавший за Виктором своей очереди мужчина, на пальце у него покачивались ключи с брелоком, украшенным эмблемой «Жигулей». – И мне в Москву надо.

– Ничего страшного, уедем.

– Пить спокойнее, когда билет в кармане. – Он бросил взгляд на бутылку в руке Виктора. – Сухое вино предпочитаете? А я водку. – Он расстегнул «молнию» спортивной сумки, висевшей на плече, из свернутого в рулон свитера выглядывало горлышко, прикрытое двумя прозрачными пластиковыми стаканчиками. – Николай, – без обиняков представился мужчина, сверкнув золотой коронкой. – Ничто так не сокращает ожидание, как умеренная выпивка.

– Виктор, – назвался Жигалко. – Я, вообще-то, тоже предпочитаю водку, а вино мне друг подарил, на прощание.

– Выпьем? – произнес магическое слово Николай.

– Можно, если без фанатизма...

– В скверике есть подходящее место. Я тут часто бываю по делам. Партнеры у нашей фирмы на местном мотороремонтном заводе. Тут дешевле ремонт мазовских движков обходится, чем в Москве.

Мужчины пересекли площадь и оказались у входа в сквер. Густые кусты надежно скрывали его от глаз прохожих. Скамейки стояли в глубоких нишах, а фонари освещали лишь асфальтированную дорожку между ними. На первой лавке, как оказалось, устроилась целоваться парочка влюбленных, их Виктор разглядел, только когда ступил из темноты в тень.

– Мужики, поищите другое место, тут занято, – зло бросил парень, на коленях у которого сидела блондинка в короткой юбке.

– Поищем, – пообещал Жигалко.

Свободная скамейка отыскалась в самом конце сквера. Ее до сих пор не заняли только потому, что прямо напротив стоял фонарь.

– Раз нет другой, устроимся и здесь. – Николай поставил сумку на сиденье и вытащил завернутые в шелестящий целлофан бутерброды.

– Я не привык на халяву пить, – спохватился Виктор. – Посидите, а я сбегаю за бутылкой.

– Две будет много, разве что в дорогу взять. Так это еще успеется. Мы можем билеты в одно купе взять, в пути вторую и покатым.

Николай свинтил пробку и спрятал ее в карман. Разлив водку по пластиковым стаканчикам, он поставил бутылку под лавку.

– Ну, за знакомство. – Он одним глотком осушил наполовину налитый стакан и тут же принялся жевать.

Выпитое действовало на Виктора благотворно, исчезло напряжение, по телу разлилось приятное тепло.

– Неплохая водка. Мягко идет. Местная? – спросил он. – Я и посмотреть не успел на этикетку.

– И на завтра от нее голова не болит, сколько бы ни выпил. Я уж все сорта здесь перепробовал. Каждый месяц дважды приезжаю. Кстати, и самогонка в здешних деревнях отличная. Конечно, не та, которую на продажу делают, а для себя. Мы старые «МАЗы» восстанавливаем, «капиталку» делаем. От одного движка заказчик отказался, так я его местному колхозу загнал за полцены. Председатель меня самогонкой угощал на природе. Река – загляденье, и рыбы в ней, не поверишь: вечером сеть поставили, а утром... – Николай говорил не умолкая. Виктору оставалось только слушать, думать о своем и кивать.

– Эй, давай сюда стакан. Менты идут, а водка не пиво, ее в общественном месте распивать не положено.

Не успел Виктор ответить, как Николай ловко забрал у него стаканчик, сунул в раскрытую сумку и загородил стоявшую на асфальте водку ногами. Наряд милиции – сержант и старшина – неторопливо приближался. В руке у старшины потрескивала рация, то и дело выбрасывая обрывки разговоров:

– Седьмой, Седьмой... еду по вызову... вижу драку, видимо, буду брать...

– Когда менты идут, на них смотреть надо. Взгляд не отводи, – посоветовал Николай сквозь зубы, – а то прицепятся.

Виктор поднял глаза. Старшина скользнул по нему строгим взглядом. Милиционер, конечно же, понимал, что двое мужиков просто так в скверике ночью сидеть не будут, ясное дело, что выпивают, но раз проявили уважение к порядку – спрятали водку и стаканы, «безобразий не нарушают», то пусть себе сидят и дальше. Николай тем временем выдавил над спрятанным в сумку стаканчиком пластиковую ампулу, несколько капель бесцветной жидкости упало на дно.

Наряд милиции проследовал до конца сквера и исчез за кустами.

– Ушли, – сообщил Николай то, что и без его слов было очевидным. – За это не грех и выпить. – Он пристроил стаканчики на брус скамейки и плеснул в них водку. – По-человечески к нам отнеслись. А чего тут? Они тоже люди, сами все понимают.

– Ага... – Виктор рассеянно взял стаканчик и опрокинул его в горло, взял заботливо поданный Николаем бутерброд.

– Ты тоже по делам приехал или к родственникам? – Собеседник внимательно смотрел на Виктора.

– По делам... – сказал тот и замолчал, что-то неладное творилось с ним, закружилась голова. Чтобы удержаться, Жигалко положил руку на спинку лавки. – И выпил немного... Язык заплетается.

– Бывает, особенно если не ел целый день. Ты закусывай.

Бутерброд выпал из ослабевших пальцев на асфальт. Виктор никак не мог сфокусировать взгляд на соседе, лицо того то четко прорисовывалось, то расплывалось в тумане. Он с трудом удерживал голову поднятой.

– Плохо мне. – Виктор попытался встать, но Николай положил ему руку на плечо.

– Сиди, – неожиданно властно приказал он, сверкнув золотым зубом, – сиди и не дергайся.

Жигалко что-то пробормотал в ответ, но слов его уже было не понять. Голова уперлась подбородком в грудь, он пару раз судорожно вздохнул и замер. Николай осторожно убрал руку с его плеча, выплеснул остатки водки из своего стакана в кусты. Затем, уже не опасаясь потре-

вожить Виктора, обыскал его. Доллары бросил в сумку, туда же полетели и документы. Недопитую бутылку тщательно протер и вложил в ладонь бывшему советскому капитану. Он уже хотел уходить, когда взгляд его упал на командирские часы на запястье. Расстегнув ремешок, глянул на крышку, где была выгравирована дарственная надпись: «Капитану Жигалко, от командования...»

– Черт, чуть не прокололся. – Часы исчезли в кармане.

Вскоре человек, назвавшийся Николаем, уже садился в неприметные «Жигули». Заложив «круг почета» на привокзальной площади, он свернул под указатель «на Москву».

Через полчаса наряд милиции вновь появился в скверике. Старшина шел, поплеывая себе под ноги семечками, рация уже попискивала в руке у сержанта. Знакомый, тысячи раз пройденный маршрут. Не проходило и дня, чтобы в этом месте кого-нибудь да не задержали.

– Смотри, – сержант прищурился, – девка, кажется, не просто так у него на коленях головой лежит.

– Ну и что? – Старшина был более человечен. – Пусть сделает парню приятное, никому от этого хуже не станет. А если тебе завидно стало, можем и привлечь.

– Я просто так. Она не проститутка, всех вокзальных мы с тобой неплохо изучили.

– Да уж... вдоль и поперек, – тихо рассмеялся старшина.

Девушка, слышав уверенную поступь наряда, тут же села на скамейке, даже в неверном ночном освещении было видно, как она покраснела, а парень, торопливо поставив на колени портфель, смотрел прямо перед собой, глупо ухмыляясь.

– Отдыхайте, – бросил старшина, проходя мимо. – Эх, молодость, молодость... А вот и наш клиент. – Он уверенно направился к Жигалко; тот сидел, свесив голову на грудь; в руке поблескивала недопитая бутылка водки.

– Они же вдвоем пили, – вспомнил сержант.

– Второй за добавкой побежал, а приятель его уснул. Командировочные, вечно надеются, – старшина тронул Виктора за плечо. – Просыпайтесь, приехали на конечную станцию, – добродушно произнес он.

Жигалко качнулся и завалился на бок, водка потекла на асфальт из наклоненной бутылки. Сержант и старшина переглянулись.

– Кажется, готов, – мрачно произнес старший по званию и приложил два пальца к сонной артерии на шее. – Готов, – уже с уверенностью в голосе сообщил он.

– Да он же только что живой был, – удивился молодой сержант.

– Все покойники когда-то живыми были. Водка паленая, отравился, – скривился старшина. – На вокзале всякую дрянь с рук продают, за всеми не уследишь.

– Так и второй же... с ним был... он тоже пил.

– Радуйся, что второй своим ходом ушел, на чужой территории загнется. – Старшина цинично усмехнулся. – Всякое в жизни случается, – он уже шарил по карманам мертвеца. – Ни документов, ни денег, теперь хрен поймешь, кто он такой и откуда, куда ехал. Снова неопознанный труп повиснет, беда с командировочными. Про второго в протоколе писать не будем – лишние хлопоты. Вызывай машину.

Пока сержант связывался по рации, старшина подошел к парочке, девушка уже не пыталась ублажать парня, она испуганно смотрела на неподвижного Виктора.

– Напился? – с надеждой спросила она.

– Напился... последний раз в жизни. Вы уж тут побудьте как свидетели.

– Да мы ничего и не видели... – начал парень, – они хотели сперва здесь устроиться, а потом ушли. Вот и все.

– Про второго можете не упоминать, это неважно.

На привокзальной площади взвыла милицейская сирена, древний «УАЗ» въехал прямо в сквер, следом за ним машина «Скорой помощи»...

...Владимир Брук выбрался из джипа, когда «Жигули» замерли рядом с внедорожником. «КамАЗ» с полуприцепом виднелся на краю леса.

– Ну как? – поинтересовался Брук.

Водитель «Жигулей» протянул ему документы и деньги, принадлежавшие Виктору Жигалко.

– Готов.

Владимир небрежно забросил бумаги в перчаточный ящик машины и махнул рукой. Тут же вспыхнули фары грузовика, заурчал мотор. Колонна из трех машин двинулась по дороге. Место здесь было пустынное, лишь у самого горизонта переливались огни райцентра. Лес расступился, вдоль насыпи чуть слышно звенела под легким ветром рожь. Остановились у развилки, здесь Брука уже ждали. Невысокий мужчина сидел на подножке грузовика и курил дешевую сигарету.

– С приездом, – первым подать руку он не рискнул.

Выглядел он как небольшой местный начальник: помятый костюм, голубая рубашка и галстук, повязанный поверх расстегнутого воротника.

– Давно не виделись. – Торговец оружием выглянул из окна джипа. – Ночью, Константинович, несложно и с пути сбиться. Садись ко мне в машину.

– Решил встретить, но вы бы и так не сбились. Указатель проскочить сложно.

За бортовым грузовиком возвышался фанерный щит с лаконичной надписью «База сельхозавиации». Ехали без дороги по хорошо утрамбованному, поросшему травой летному полю, на фоне огней райцентра хорошо читались силуэты трех «кукурузников».

– Вот и весь мой авиапарк. – Константинович указал на самолеты. – А ангар чуть в стороне, ближе к лесу.

– Освещение поля исправно? – строго спросил Брук.

– Конечно! – с обидой в голосе произнес начальник базы сельхозавиации. – Только сегодня я решил ее не включать. Темнота друг не только для молодежи.

«КамАЗ» въехал в широко раскрытые ворота ангара и погасил фары.

– Здесь, как в швейцарском банке, – пообещал Константинович.

– Плачу за месяц, – предупредил Брук, отсчитывая деньги. – Если больше простоит, потом добавлю.

– По мне, пусть все время стоит, – улыбнулся Константинович, сменяя и пряча деньги в карман пиджака.

– Освещение полосы держи в исправности, может в любой день понадобится.

– Это само собой разумеется. – Константинович выбежал из машины.

Вместе с водителем «КамАЗа» они с трудом закрыли огромные ворота ангара, начальник базы сельхозавиации повесил тяжелый навесной замок, ключи вручил Бруку.

– Второй комплект только у меня будет.

– Смотри, чтобы никто не лазил.

– Мои люди приучены к чужому не подходить. Сторожа на работу исправно ходят с собаками.

– Если что случится...

Брук не договорил, поскольку Константинович замахал руками:

– И быть такого не может, не первый год с вами работаем, ни одной накладки не случилось.

– Именно поэтому и работаем, – бесстрастно заметил торговец оружием.

Взгляд его стал усталым, как всегда случалось после того, как была выполнена основная часть работы. Он вновь терял интерес к жизни.

– А теперь в Москву, – пробормотал он, удобнее устраиваясь на заднем сиденье джипа.

Константинович еще долго стоял, махая на прощание рукой удаляющимся огням машины. Убедившись, что Брук не собирается возвращаться, он поднялся на крыльцо строительного вагончика-бытовки и постучал в дверь:

– Открывай, уехали.

В окошке вспыхнул свет, щелкнул замок. Сторож в ватнике, наброшенном на плечи, почтительно пропустил начальника базы внутрь и тут же цыкнул на худощавую овчарку. Собака подняла голову и оскалила пасть, но лаять не решалась.

– Лежать, кому сказал. Своих не узнаешь?

– Зря на нее ругаешься, хорошая собака только хозяина слушать должна.

Константинович зачерпнул воду из ведра и, не отрываясь, выпил пол-литровую кружку холодной, до ломоты в зубах, воды.

– Снова привезли? – опасливо поинтересовался сторож.

– Снова... – Константинович вытащил из кармана три купюры, разровнял их на столе, придвинул к сторожу. – Поделишься со сменщиками, но чтобы никакая сволочь в ангар не заглядывала. А если увижу пьяным на дежурстве, выгоню к чертовой матери, – покосился он на пустую винную бутылку на окне. – Здесь тебе не мехдвор, а авиабаза.

– Зря вы так. Бутылка здесь еще с весны стоит. Я в нее сигаретный пепел собираю, жена просила, она его потом как удобрение для кактусов использует, можете посмотреть – правда, пепел. – На ладонь сторож вытряс горку пепла и собрался сунуть под нос Константиновичу.

– Верю.

Сторож с трудом скрывал любопытство:

– А кто он такой? Большой человек, наверное...

– Большой, – задумчиво проговорил Константинович, – очень большой. Если окажешься у него на дороге, непременно раздавит. Ты лучше об этом не спрашивай. Спокойней спать будешь. Если б не он, нашу базу давно бы закрыли. Уже и решение в райисполкоме приняли, даже бумага была подписана, а он один звонок сделал – вмиг все и отменили.

Начальник базы сельхозавиации нервно посмотрел в окно, туда, где давно скрылись габаритные огни джипа, он бы не удивился, покажись они вновь прямо сейчас. О том, что лежит в полуприцепе «КамАЗа», ему и думать не хотелось.

«Скорее бы он забрал свой груз. Деньги деньгами, но и спокойствия хочется».

Глава 3

Бондарев загнал машину во двор и с полминуты сидел, опустив руки на колени. После дня, проведенного на озере с удочкой и спиннингом, город оглушил его за то короткое время, когда он пересекал его от окраины до Коломенского. Даже здесь, в квартале старой частной застройки, чувствовалась близость мегаполиса. Напряжение было просто разлито в воздухе. Глухой гул автомобильных потоков пронизывал все насквозь.

Клим подхватил ведро с рыбой и шагнул в дом. Последние лучи сегодняшнего солнца еще проникали в высокорасположенные окна, в их лучах золотилась пыль. Улов он привез с собой небогатый, и, вместо того чтобы почистить рыбу, Бондарев сразу забросил ее в морозильник, где на полке громоздился уже с десятков похожих пакетов.

Устроившись у телевизора, Клим вдавил кнопку пульта. Смотреть было решительно нечего: если фильм оказывался хорошим, то старым, и Бондарев его уже видел раз пять, если новый – смотреть его было совсем не обязательно.

Еще одно нажатие кнопки, и экран погас, отразив хозяина дома.

– «Ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше будь один, чем вместе с кем попало...» – процитировал свое любимое из Омара Хайяма Бондарев.

Клим придвинул к себе телефонный аппарат и просмотрел запись определителя номера. Звонков за сегодняшний день, пока хозяина не было дома, оказалось довольно много, но все они были сделаны с одного номера и через равные интервалы времени, через двадцать минут. Так мог действовать только очень пунктуальный человек. Звонили не из Москвы. Чуть подумав, Бондарев вспомнил и код – Карелия. Но там знакомых у него не было.

– Однако кому-то я понадобился... – Клим глянул на мерцавшие цифры электронных часов. – От последнего звонка прошло семнадцать минут, я бы на его месте или на ее, – усмехнулся Бондарев, – после первой неудачной попытки набрал номер мобильного. Значит, этот человек его просто не знает, а мобильник у меня, между прочим, не первый год, и секрета из него я не делаю, а вот номер домашнего телефона не менялся уже лет двадцать.

Он, не отрываясь, глядел на циферблат и, когда миновало три минуты, недостающие до двадцати, уверенно положил ладонь на трубку. Практически сразу же телефон разразился трелью, словно ждал этого прикосновения.

– Слушаю, – внятно произнес Бондарев.

– Это ты, Клим? – прозвучал в трубке знакомый голос, в нем чувствовался легкий немецкий акцент.

Бондарев не сразу вспомнил, с кем говорит. Во-первых, по паре слов это тяжело сделать, во-вторых, он был уверен, что не слышал этот голос уже давно, а в-третьих, смутно припомнилось, что разговоры велись по-немецки.

– Да, я не сразу тебя узнал.

– Мы не виделись уже десять лет, немудрено, – ушел от ответа абонент, и этого было достаточно, чтобы не повторять вопрос, работа в спецслужбах приучила Бондарева понимать намеки – раз человек не назвался, значит, на то есть веские причины.

«Да это же Дитрих Калау, – удивился Клим. – Точно, он. Однако... Бывший сотрудник гдээровской Штази, работавший под прикрытием торгового представительства в ФРГ, один из самых ценных моих агентов в 80-х годах. А потом, как и многих других, его пришлось „заморозить“. И чего это Дитриха занесло в Карелию? Люди его типа просто так не звонят через десять лет молчания».

Он попытался за несколько секунд припомнить, чем теперь занимается Дитрих Калау, но не смог, специально его судьбой он не интересовался.

– Теперь я даже вспомнил твоего любимого композитора – Шуман, – засмеялся Клим.

– Я сейчас отдыхаю в Карелии, на рыбалку приехал. Тут отлично ловится лосось, а ты, как я помню, заядлый рыбак. Не хочешь составить компанию? Порыбачим, как раньше.

– Я должен подумать, – искренне признался Клим.

Выяснять сейчас по телефону настоящую причину, по которой Дитрих Калау искал с ним встречи, он не мог. Но и лететь через полстраны, не зная, что его ждет, тоже было бы неосмотрительно.

– Я все еще думаю. У меня есть планы на ближайшие дни.

– Не раздумывай, – Дитрих старался скрыть свой немецкий акцент, но до конца это ему не удавалось, – тут ловится очень большая рыба. Прилетай прямо завтра, я приеду в Выборгский аэропорт за тобой на машине, взял напрокат.

Бондарев сдался. Дитрих никогда не был заядлым рыбаком, просто иногда это занятие приходилось использовать в Германии для встреч с Бондаревым. Если прозвучало «большая рыба», значит, затевалось что-то крупное.

– Я прилечу завтра первым рейсом, жди.

– Вот и отлично. Только прилетай один, компания мне для рыбалки не потребуется.

В трубке раздались короткие гудки. Бондарев не сразу положил ее, сидел, сдвинув брови. В его практике это был первый случай, чтобы «замороженный» западный агент сам приехал в Россию, сам вышел на связь, зная, что Бондарев теперь практически не у дел.

«Гадать бессмысленно, только сам Дитрих сможет все объяснить. Надеюсь, он не сошел с ума», – решил Клим и, коротко ударив по рычагам аппарата, прошелся по клавишам:

– Справочная? Скажите, когда завтра первый рейс на Выборг?.. Хорошо, бронируйте одно место...

Задумчивость не сошла с лица Клим Владимировича и тогда, когда он положил трубку. В былые времена, когда он еще носил погоны, непременно доложил бы о звонке начальству. Теперь же начальства над ним не было, даже Президент и тот оставался другом, не больше. Дитрих Калау давно оказался списанным со счетов, о нем не вспоминали последнее десятилетие. И со спокойной совестью Клим не стал никому звонить.

«Самое страшное, что может случиться, это я потеряю деньги за билет в два конца. А в Карелии и впрямь хорошо ловится лосось, и Дитрих неплохой собеседник».

Бондарев открыл шкаф, стал перебирать удилища. Не всякая снасть подходила для серьезной рыбалки.

* * *

«Як-40», в салоне которого было занято не более половины мест, замер на посадочной полосе Выборгского аэропорта. Все происходило спокойно, почти по-домашнему. Стюардесса выглянула из-за занавески и просто пригласила к выходу:

– Прилетели, выходим.

Даже автобус не ждал на поле. К зданию аэровокзала шли пешком. Короткую колонну пассажиров обгонял багажный электрокар. Сосед Бондарева метнулся к нему и на ходу принялся уговаривать водителя остановиться:

– Мужик, чемодан свой заберу. В очереди неохота стоять.

– Отвали, – мрачно проговорил водитель и прибавил скорость.

– Да я заплачу! – крикнул вслед удаляющемуся электрокару пассажир.

– И это не поможет.

Мужчина медленно брел, проклиная несговорчивого служащего аэропорта.

– Надо было сразу деньги предлагать, – Бондарев держал в одной руке чехол со снастями, в другой нес весь свой остальной багаж – спортивный рюкзак.

– Не подумал, – вздохнул мужчина. – Мне в Карелии всегда не везет. Прошлый раз на самолет опоздал, пришлось в аэропорту ночевать. Два года тому назад на взлетной полосе неисправность обнаружили, всех высадили, только к вечеру и улетел.

– Надеюсь, на этот раз вам повезет больше. – Клим не стал сворачивать к багажной стойке, а прошел здание аэровокзала насквозь.

На крыльце его тут же обступили частные извозчики:

– Такси... недорого... – звучало со всех сторон, – могу почти даром поселить в доме, там речка рядом...

Клим, не обращая на них внимания, сошел со ступенек. Дитриха нигде не было видно. Однако Бондарев привык к подобным штукам, сам в прежние времена редко появлялся сразу, когда приходил на встречу. Следовало убедиться, что нет «хвоста». Клим даже улыбнулся: «Словно вернулся в прошлое. Шпионские игры».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.